В. Ѳедоръ Тугаринъ, по завѣщанію родителей, отдаетъ своихъ сестеръ за первыхъ попавшихся жениховъ: одну за Вѣтра, другую за Града, третью за Грома. Потомъ идетъ онъ въ свѣтъ. Разъ видитъ, лежитъ рать-сила побитая. «Кто тутъ есть живой, скажи, кто побилъ эту рать?» Отозвался одинъ голосъ: «Дай воды напиться!» Тотъ подалъ. «Иди, говоритъ раненый, спроси у другой рати!» Въ другой рати Тугарина отослали къ третьей. Въ третьей сказали, что рать побила Анастасія прекрасная, и сама тутъ недалеко отдыхаетъ. Тугаринъ завидѣлъ шатеръ, привязалъ къ нему коня, а самъ вошелъ и легъ возлѣ Анастасіи. Та проснулась: «А что, будемъ биться, или мириться?» «Коли наши кони станутъ биться, то и мы будемъ.» Спустили коней, тѣ стали лизать другъ друга. «Ну, говоритъ Анастасія, такъ будь ты мнѣ мужъ, а я тебѣ жена!»

Г. Королевичъ Янко выдаетъ сестеръ за Солнечника, Мѣсячника и Вѣтренника, ѣдетъ къ зятьямъ въ гости и видитъ поле, покрытое побѣлѣвшими костьми. На вопросъ: «Кто побилъ?» одинъ черепъ отвѣчаетъ: «Сильная дѣвица, прекрасная Ульяна.» Тоже отвѣчаютъ на другомъ и третьемъ полѣ: «Побила насъ прекрасная Ульяна за то, что Король нашъ сватался ее, а не умѣлъ побѣдить.» Янко приходитъ въ мраморный замокъ Уліяны, подмѣниваетъ ея чудесный мечъ своимъ, побѣждаетъ ее и женится на ней.

Вторая половина. А. Выходя изъ дому, жена оставила царевичу ключи отъ двѣнадцати погребовъ и позволила во всѣ ходить, кромѣ послѣдняго. Царевичъ не послушался, отворилъ и двѣнадцатый, и видитъ тамъ по серединѣ большую бочку съ желѣзными обручами, и изъ бочки слышитъ голосъ: «Ради Бога, братъ, умираю отъ жажды, дай мнѣ чашу воды!» Царевичъ влилъ въ бочку чашу воды, и тотчасъ лопнулъ на ней одинъ обручъ. Такъ было и въ другой разъ. Въ третій разъ лопнулъ третій обручъ, бочка распалась, изъ нея вылетѣлъ змѣй, по пути схватилъ жену царевича и унесъ ее къ себѣ.

Царевичъ, погоревавши, пошелъ въ свѣтъ. Разъ видитъ онъ, что въ лужѣ у рѣки трепечется маленькая рыбка. «По Богу, будь мнѣ братъ!» говоритъ она. «Брось меня въ рѣку, а я тебѣ приго-

жусь: только возьми съ меня одну луску и потри ее, когда будетъ нужно.» Онъ такъ и сдѣлалъ. Далѣе встрѣчаетъ онъ лису и волка въ капканахъ, выпускаетъ ихъ и получаетъ за то по клоку шерсти.

Приходитъ царевичъ къ змѣеву двору, находитъ тамъ свою жену, сажаетъ ее къ себѣ на коня и пускается бѣжать. А тутъ воротился змѣй. «Что намъ дѣлать?» говоритъ онъ своему коню, «будемъ ѣсть и пить, или догонять?» Ѣшь и пей, еще догонимъ. Точно, поѣвши, змѣй мигомъ догналъ царевича, отнялъ жену, а его простилъ за три чаши воды, но приказалъ не приходить въ другой разъ, если ему жизнь дорога. На другой день царевичъ, не могши сердца одолѣть, опять пришелъ къ змѣеву двору, засталъ жену одну и научилъ ее вывѣдать у змѣя, гдѣ онъ добылъ своего коня. Она вывѣдала и передала царевичу, что такого коня можно достать только у одной бабы.

Царевичъ идетъ въ лѣсъ къ бабѣ и просится къ ней на службу: «Хорошо, говоритъ баба; если три дня устережешь кобылу, дамъ тебѣ коня на выборъ; а если не устережешь, то сниму съ тебя голову.» И вывела его на дворъ, а кругомъ двора былъ частоколъ, на всякой частоколинѣ было по головѣ, только на одномъ колу не было, и тотъ все кричалъ: «Дай, баба, голову!» «Видишь, говоритъ баба, всѣ эти были у меня въ найму, и не сберегли кобылы.» Царевичъ не испугался, въ вечеру сѣлъ верхомъ на кобылу и поѣхалъ въ поле, а жеребенокъ побѣжалъ за ними. Около полуночи ему вздремнулось. Просыпается и видитъ, что сидитъ онъ верхомъ на колодѣ, и въ рукахъ держитъ узду. Пошелъ онъ искать кобылы, набрелъ на воду и вспомнилъ о рыбкѣ. Потеръ чешую, а рыбка какъ тутъ. «Ушла у меня бабина кобыла и не знаю, гдѣ она.» А рыбка ему: «Она между нами: оборотилась рыбою, а жеребенокъ рыбкою; но ты ударь только уздою по водѣ и скажи: «Дура, бабина кобыла.» Такъ онъ и сдѣлалъ, и кобыла съ жеребенкомъ вышла на берегъ. Зануздавши, онъ сѣлъ на нее и поѣхалъ домой. Дома баба дала ему ѣсть, а кобылу ввела въ конюшню и стала бить кочергою, приговаривая: «А къ рыбамъ, курва!» А кобыла: «Была я межь рыбами, но рыбы — ему друзья, меня выдали.» А ты бы къ лисицамъ. На другую ночь кобыла стала лисицею, на третью

волчицею, но и лисицы, и волки выдали ее царевичу. Тогда царевичъ потребовалъ платы. Баба дала ему выбирать изъ двѣнадцати коней. «Зачѣмъ мнѣ хорошіе, говоритъ царевичъ? Дай мнѣ того паршиваго, что въ углу!» Баба стала было отнѣкиваться, но царевичъ взялъ конька, вывелъ въ лѣсъ, обчистилъ струпья, и конь какъ жаръ загорѣлся.

На этомъ конѣ, который могъ летать какъ птица, царевичъ увезъ свою жену. Змѣй воротился домой, видитъ, что царицы нѣтъ и говоритъ своему коню: «Что теперь, будемъ ѣсть, пить, или догонять?»—«Ѣжь не ѣжь, пей не пей, гони не гони, не догонишь!» Но змѣй сѣлъ на коня и погнался. Завидѣвши за собою погоню, царевичъ съ женою стали погонять своего коня. «Не бойтесь, говоритъ имъ конь, не за чѣмъ бѣжать!» Между тѣмъ змѣевъ конь кричитъ царевичу: «Стой, братъ, ради Бога! чуть не тресну тебя догоняючи.» А этотъ ему: «А за чѣмъ же ты такъ глупъ, что носишь этого змѣя? брыкни, да объ камень его, и пойдемъ вмѣстѣ!» Змѣевъ конь брыкнулъ, змѣй разбился въ куски. Тогда царица пересѣла на змѣева коня и счастливо доѣхала съ мужемъ до своего царства.

Б. Витязь освобождаетъ змѣя, напоивши его водою. Змѣй летитъ на красное море, гдѣ купались три голубки, и уноситъ ту изъ нихъ, что была витязевою женою. У голубокъ три брата, зачарованные въ коней: одинъ въ самомъ замкѣ голубокъ, другой служитъ змѣю, а третій, самый лучшій, у Эрдегъ-Бабы (Мадяр. ördög, чортъ). На первомъ витязь три раза покушается увезти свою жену. Дважды змѣй его прощаетъ, въ третій разъ убиваетъ. Конь оживляетъ его живою водою, принесенною ворономъ, и витязь отправляется добывать коня у Эрдегъ-Бабы. На пути онъ освобождаетъ изъ паутины большую муху, изъ капкана — волка и бросаетъ въ море большого рака. Раки строятъ ему изъ себя мостъ до острова, на красномъ морѣ, на которомъ живетъ Эрдегъ-баба. Здѣсь онъ нанимается на три дня пасти 12 бабиныхъ коней. У Бабы 24 столба съ крючьями; на 23 крюкахъ торчатъ человѣческія головы, а на 24 быть его головѣ, если не устережетъ коней. Баба даетъ ему въ хлѣбѣ сонное зелье, онъ засыпаетъ, кони уходятъ. Два раза ихъ прогоняютъ мухи и волки. Въ третій разъ кони прячутся въ море,

а самый худой подъ большого рака, но раки ихъ выгоняютъ. Каждый разъ баба бьетъ коней, а пуще всѣхъ самаго худого. Прослуживши три дня, витязь беретъ самаго худого коня. (Остальное, какъ въ Сербской сказкѣ, но прибавлена черта, которая чаще встрѣчается въ Западно-Славянскихъ и Нѣмецкихъ сказкахъ, чѣмъ въ Русскихъ: отслуживши свою службу, кони просятъ срубить имъ головы. Витязь сначала отказывается, потомъ уступаетъ просьбамъ, рубитъ имъ головы. Кони освобождаются отъ заклятія и становятся опять царевичами).

В. Уѣзжая на охоту, Анастасія говоритъ своему мужу: «Всюду ходи по дому, только не иди туда, гдѣ лычкомъ завязано и глиною залѣплено!» Тамъ Анастасія повѣсила за ребро змѣя, который силою хотѣлъ было взять ее за себя. Тугаринъ идетъ туда, помогаетъ змѣю сняться съ крюка. Змѣй обѣщаетъ ему за это помочь въ большой нуждѣ, улетаетъ и по дорогѣ уноситъ Анастасію.

Тугаринъ идетъ въ свѣтъ, заходитъ въ гости къ зятьямъ, Вѣтру и Граду. На пути къ третьему застигла его ночь въ лѣсу, и онъ заночевалъ у криницы. Утромъ смотритъ, идетъ Анастасія по воду. Порадовавшись встрѣчѣ, сѣли они на коня и давай бѣжать. Въ тотъ мигъ подъ змѣемъ, который былъ на охотѣ, конь споткнулся! «Что ты споткнулся, конь мой милый?» — «Какъ же мнѣ не спотыкаться? Анастасія убѣжала съ Ѳедоромъ Тугариномъ.» — «А можемъ ли ихъ догнать?» — «Можемъ пшеницы нажать, намолотить, поѣсть и догнать.» Все это сдѣлали и поѣхали догонять. Змѣй завидѣлъ Тугарина и кричитъ ему: «Стой!» Тугаринъ не остановился. За это змѣй его не помиловалъ, убилъ, а Анасію взялъ съ собой.

Зятья, узнавши о смерти Тугарина, оживили его цѣлющей и живущей водою. «Фу, какъ было я заснулъ!» говоритъ Тугаринъ. «Заснулъ бы ты на вѣки, если бъ не мы.»

Тугаринъ возвращается къ криницѣ, встрѣчаетъ опять Анастасію и проситъ ее выпытать у змѣя, гдѣ достать такого коня, какъ у него, и гдѣ его, змѣева, смерть. Змѣй на свою бѣду признался. Коня достать у одной бабы, а про смерть сказалъ: «Есть на островѣ камень, въ томъ камнѣ заяцъ, въ зайцѣ утка,

въ уткѣ яйцо, въ яйцѣ желтокъ, въ желткѣ камешекъ: то моя смерть.»

Идетъ Тугаринъ, идетъ: видитъ, волки бьются за кости. Онъ имъ подѣлилъ, а они ему обѣщали быть въ великой пригодѣ. Далѣе видитъ, пчелы бьются за медъ. И имъ подѣлилъ, и онѣ обѣщали тоже. Наконецъ видитъ, что раки бьются за икру: онъ и имъ подѣлилъ, и они обѣщали тоже, что волки и пчелы. Приходитъ Тугаринъ къ хатѣ. Въ хатѣ жила баба, и у нея было 12 кобылицъ. Онъ нанимается на три дня пасти этѣхъ кобылицъ за одного жеребчика. Утромъ, передъ тѣмъ какъ выгонять лошадей на лугъ, баба дала ему на снѣданье пирожокъ съ соннымъ зельемъ. Какъ Тугаринъ съѣлъ, такъ и заснулъ, а кони далеко порасходились. Уже на третій день будятъ его раки: «Вставай, ищи кобылицъ!» Тотъ встрепенулся смотритъ, а волки и пчелы уже женутъ къ нему кобылицъ. Какъ пригналъ коней домой, баба ему и говоритъ: «Счастье твое, а то была бы бѣда!» (А она было всякому, кто не устережетъ кобылъ, сдеретъ со спины по ремню да и прогонитъ). Въ хатѣ баба дала ему ѣсть, сама же пошла въ конюшню. Тугаринъ тайкомъ за нею, и слышитъ, что баба бьетъ кобылъ желѣзнымъ прутомъ и приказываетъ до завтрего привести каждой по жеребенку, а найлучшей коростливаго. На утро онъ беретъ именно этого коростливаго. «Дай мнѣ, говоритъ этотъ конекъ, попастись три зори на росѣ, тогда повидишь! «Какъ попасся конекъ день, сталъ носить въ полъ дерева, на другой день поверхъ дерева, на третій по поднебесью. На этомъ конѣ, доставши у зятьевъ камешекъ, въ которомъ змѣева смерть, Тугаринъ увозитъ Анастасію. Змѣй завидѣлъ, какъ они понеслись поверхъ дерева, и погнался. Его конь летитъ самъ поверхъ дерева и говоритъ: «Догнать-то мы догонимъ, по тому что у Тугарина мой меньшой братъ, да Анастасіи не отымемъ.» Какъ только стали настигать Тугарина, онъ бросилъ камешекъ змѣю въ лобъ. Змѣй упалъ и пропалъ, а Тугаринъ съ Анастасіею по здорову доѣхали до своего двора.

Г. Уходя изъ дому, Ульяна запрещаетъ Янку заглядывать въ 13-ю комнату. Янко заглядываетъ, и находитъ тамъ огненнаго змѣя, прикованнаго тремя желѣзными обручами. Змѣй проситъ вина изъ послѣдней бочки, Янко даетъ ему три чаши, и за каж-

дою со змѣя слетаетъ по обручу. За это змѣй обѣщаетъ два раза пощадить ему жизнь, садится на своего коня и по пути увозитъ Ульяну. Янко спрашиваетъ о женѣ у зятьевъ: ни солнце, ни мѣсяцъ ея не видали, но вѣтеръ, который всюду продуваетъ, знаетъ, гдѣ она, и даетъ Янку коня, который заноситъ его въ змѣевы палаты. Ульяна мыла какъ разъ у колодца бѣлье въ горячей водѣ. Янко схватилъ ее на коня и помчался. Тогда змѣевъ конь заржалъ и затопалъ. «Что съ тобою?» спросилъ змѣй, «развѣ сѣно у тебя не какъ золото и вода не какъ вино?»—«Сѣно у меня, какъ золото, и вода, какъ вино, но прекрасная Ульяна ушла.» Змѣй встревожился, но татошъ (конь) его успокоилъ: «Часъ спи, часъ табакъ кури, и еще ихъ догонимъ.» Такъ и случилось, по тому что крылатый конь змѣевъ былъ быстрѣе вѣтру. Змѣй отнялъ Ульяну, но Янка пощадилъ.

Янко узнаетъ у зятьевъ, гдѣ достать такого коня, какъ у змѣя. Солнце даетъ ему золотую вѣтку, мѣсяцъ серебряную, вѣтеръ вѣтренную (naduchanou); вѣтеръ на крылахъ переноситъ его черезъ горы, долы и море ко двору старой вѣдьмы (bosorki). Янко нанимается у нея пасть трехъ кобылицъ, съ тѣмъ, что если не устережетъ, то голова долой. Этѣ кобылицы были вѣдьмины дочери. Не успѣлъ Янко выгнать ихъ на пашу, какъ онѣ оборотились голубками и улетѣли. Янко воткнулъ въ землю вѣтренную вѣтку, мигомъ поднялся вѣтеръ и изъ подъ облаковъ сбилъ голубокъ къ его ногамъ. Янко накинулъ на нихъ узды, и онѣ стали опять лошадьми. На другой день кобылы оборотились утками и стали плавать посереди озера. Янко встромилъ въ землю серебряную вѣтку, явился мѣсяцъ, въ бѣлый платокъ вобралъ всю воду озера, такъ что Янко по сухому дну дошелъ до утокъ, накинулъ на нихъ узды и оборотилъ въ кобылъ. На третій день кобылы становятся тремя высокими елями, но солнце пускаетъ на нихъ жаръ, отъ котораго загораются иглы и лопается кора, и заставляетъ принять прежній видъ. За службу Янко проситъ только того сухопараго коня, что на сметникѣ валяется и на сбрую котораго семь лѣтъ куры гадятъ. Вѣдьма обѣщаетъ, если онъ выдоитъ ея трехъ кобылъ и выкупается въ ихъ молокѣ. Янко доитъ кобылъ въ кадь и собираясь купаться, по совѣту своего паршиваго коня, зоветъ этого коня къ себѣ.

Когда влѣзъ Янко въ кадь, молоко ключомъ закипѣло, и онъ не вышелъ бы живой, если бъ конь однимъ духомъ не втянулъ въ себя всего жару. Послѣ купанья въ молокѣ Янко сталъ еще лучше прежняго. Видя это, вѣдьма захотѣла и сама похорошѣть; но когда влѣзла въ кадь, конь выпустилъ изъ себя жаръ въ молоко, и вѣдьма сварилась.

(Остальное какъ въ Сербской сказкѣ).

Дѣйствующія лица этой сказки такъ связаны между собою, что, говоря объ однихъ, именно о Бабѣ и ея дочеряхъ-кобылахъ, нельзя оставить въ сторонѣ другихъ. Начнемъ съ этихъ послѣднихъ.

Змѣя, освобожденнаго изъ бочки и похищающаго царицу, на основаніяхъ, которыя будутъ приведены ниже, считаемъ за образъ тучи, похищающей и удерживающей въ себѣ небесныя воды, оплодотворяющія землю. Изъ этого слѣдуетъ, что похищенная змѣемъ царица (Ульяна или Анастасія) есть одна изъ небесныхъ женъ, въ образѣ коихъ представлялись воды, скрываемыя змѣемъ, [147] а богатырь, побивающій змѣя и освобождзющій свою жену—громовое божество, соотвѣтствующее тому, съ которымъ въ Индійской миѳологіи враждуетъ змѣй Вріtра. Миѳическія отношенія богатыря менѣе ясны, чѣмъ отношенія другихъ лицъ. Сказка, по видимому, забыла его божественность.

Царицѣ (Ульянѣ или Анастасіи другихъ варіантовъ) сказка приписываетъ слѣдующія черты: она вмѣстѣ съ другими восемью или двумя дѣвицами летаетъ золотоперою павою и голубкою (варіянтъ А, Б); она побиваетъ три рати (вар. В, Г) и обладаетъ чудеснымъ мечемъ (вар. Г). По этѣмъ примѣтамъ, т. е., по оборачиванью птицами и по воинственности, признаемъ Анастасію за существо, однородное съ Германскими Валкиріями и Славянскимъ Вилами.

Въ Валкиріяхъ [148] замѣтимъ слѣдующее: онѣ страстно любятъ войну, тоскуютъ безъ битвы. Онѣ не только берутъ пад-

---

[147] И змѣй-туча, и дѣвица-облако. Въ различномъ представленіи сходныхъ явленій нѣтъ ничего удивительнаго.

[148] Въ Асгардѣ, жилищѣ Асовъ и средоточіи міра, стоятъ покрытыя щитами

шихъ героевъ съ поля и провожаютъ ихъ въ Валгаллу, но и склоняютъ побѣду на ту или другую сторону. Какъ женщина вообще называлась ткущею миръ, такъ Валкиріи ткали ткань брани. Въ лебединыхъ сорочкахъ прилетаютъ онѣ на землю и, скинувъ этѣ сорочки и оборотившись прекрасными дѣвицами, купаются въ озерахъ. Иногда люди похищаютъ у нихъ этѣ сорочки, или кольца (Schwanring) и, принудивъ ихъ, т. е., остаться на землѣ и въ человѣческомъ образѣ, женятся на нихъ. Валкирія при первой возможности добываетъ свою сорочку, и улетаетъ (Серб. варіянтъ Б нашей сказки), и начинаетъ по прежнему вести бранную жизнь. На поле битвы выѣзжаютъ Валкиріи на золотистыхъ коняхъ, въ бѣлыхъ одеждахъ, въ золотыхъ шлемахъ и со щитами. По другому извѣстію, сѣрый конь Валкиріи отрясаетъ съ своей гривы росу въ долины и плодотворный градъ (?) [449] на деревья. Мѣсто жительства Валкирій—темный лѣсъ, и это только, по видимому, противорѣчитъ тому, что онѣ живутъ

палаты Одина (Valhöll, ДВН. предполагаемое Valahalla). Въ нихъ 540 дверей, и въ каждую дверь можетъ войти 800 витязей. Здѣсь Одинъ пируетъ со своими сыновьями (усыновленными героями), падшими въ битвахъ, и ни робкій, ни злодѣй не имѣютъ сюда доступу. Двѣ прекрасныя дѣвицы прислуживаютъ Одину, одиннадцать другихъ наполняютъ (турьи) рога пивомъ и медомъ, для его «отборныхъ» (einheri, мн. ч. einheriar, egregii, divi). Когда на землѣ происходитъ битва, Одинъ посылаетъ этѣхъ дѣвицъ отобрать павшихъ въ битвѣ. Отобрать — Сканд. kiosa, Нѣм. kiesen, между прочимъ, имѣющее техническое значеніе «принять жертву» (о Божествѣ; другая форма того же k. — kür, ДВН. chur, electio); павшій въ битвѣ — Сканд valr, ДВН. wal (сродное, по предположенію Гримма, съ waljan, wählen): отсюда Сканд. valkyrja, ДНВ. (предполагаемое) walachuria — выбирающая (достойныхъ изъ) павшихъ въ битвѣ. Другія имена этѣхъ дѣвъ — Сканд. Val-meyjar (бранныя дѣвы), Oskmeyjar, Одиновы дѣвы; послѣднее по тому, что Одинъ носитъ имя Сканд. Oski, ДВН wunsc, Wunsch (Grimm Myth.). Частности отношеній Валкирій къ Одину развились, вѣроятно, въ обособившемся Германскомъ племени; но воинственность этѣхъ дѣвъ не есть черта исключительно Германская, по тому что и соотвѣтствующія имъ Вилы воинственны. Германцамъ принадлежитъ олицетвореніе въ Валкиріяхъ войны, взятой отвлеченно (Mannh. 566). О томъ, какъ изъ водяныхъ женъ, тучъ, могли развиться олицетворенія войцы, см. Mannh. 563, слѣд. и друг. мѣста.

[449] Fruchtbarer hagel, befruchtende schlossen.

въ небесной обители мертвыхъ. Лебедь, въ образѣ коей являются Валкиріи, есть символъ полупрозрачнаго облака. За облаками, въ странѣ немеркнущаго свѣта, живутъ души блаженныхъ; по этому лебедь частью сама есть душа, частью, какъ и Валкирія, путеводитель душъ. Въ пору отдѣленія символа отъ обозначаемаго имъ, стало возможнымъ купанье Валкирій-Лебедей (т. е., облаковъ) въ озерахъ (т. е., первоначально въ небесныхъ водахъ облаковъ). Лѣсъ, куда летятъ Валкиріи, есть тоже символъ облаковъ, т. е., той же обители душъ, которая представлялась палатами Одина. Кони—самые обыкновенные символы облаковъ. Что сѣрый конь Валкиріи, росою оплодотворяющій землю есть облако, въ томъ нѣтъ сомнѣнія. Какъ всѣ миѳическія лица, представляемыя всадниками, сначала сами были конями, такъ и Валкирія первоначально была кобылою, что подтверждается, впрочемъ, не Германскими, а Славянскими, данными, о которыхъ ниже.

Вѣроятность предположеннаго сродства Валкиріи съ героинею нашей сказки, стало быть, того, что эта послѣдняя есть одна изъ водяныхъ женъ, подверждается: 1) тѣмъ, что въ сказкѣ, по началу сходной съ варіантомъ A и принадлежащей къ тому же кругу, прилетаетъ въ садъ не пава, а лебедь; [150] 2) тѣмъ, что, какъ увидимъ, очень вѣроятно кровное родство героини нашей сказки съ чудесными конями и представленіе подобныхъ ей лицъ кобылами.

Переходимъ къ Вилѣ. Здѣсь нѣтъ надобности приводить свидѣтельствъ о наружности Вилъ, [151] о томъ, что онѣ любятъ пѣсни и пляску, [152] знаютъ таинственныя силы растеній, [153] по-

---

[150] Valjav. 29.

[151] О красотѣ Вилъ смот. Кар. Срп. пѣсм. I, 65; II, 134, 223, 236, 610; III, 33, 257. Ilić. 27—28, гдѣ встрѣчаемъ странную черту, что, при всей красотѣ, у Вилы нѣтъ носа.

[152] Вилино гумно. Карадж. Срп. пѣсм. I, 188. Ср. 191. Иногда Вилы награждаютъ того, кто набредетъ на ихъ коло (тамъ же I, 190—191), иногда наказываютъ (тамъ же 181; ср. Рѣчн. Вила). Любятъ пѣсни и поютъ. Valjav. 46, 48; Карадж. Пѣсм. II, 216.

[153] Карадж. Пѣсм. I, 149.

дают людямъ врачебные совѣты [154] и исцѣляютъ сами, [155] знаютъ будущее и открываютъ его людямъ, [156] рѣдко жестоки, [157] чаще — сочувствуютъ людскому горю, [158] становятся посестримами женщинъ и юнаковъ, [159] вѣроятно, и любовницами людей, [160] что онѣ страдаютъ, плачутъ, уязвимы, даже смертны, какъ люди. Остановимся только на чертахъ, имѣющихъ болѣе близкое отношеніе къ нашей сказкѣ и, какъ кажется, существенно важныхъ для разъясненія основнаго значенія Вилъ.

1. Кажется вѣрнымъ, что въ Вилахъ воинственность не есть такая рѣзкая черта, какъ въ Валкиріяхъ. Извѣстія о томъ, что Вилы не совѣтомъ, а дѣломъ, участвуютъ въ битвахъ, скудны. Намъ извѣстенъ только Хорватскій варіантъ сказки о Тугаринѣ, [162] въ которой говорится о ямѣ, наполненной головами людей, по-

---

[154] Карадж. Пѣсм. I, 182; II, 51—52. Это послѣднее мѣсто ср. съ началомъ Малорус. сказки о Сучичѣ (Аѳ. VI, 241; Nowosielski, Lud Ukraiński, I, 256), Карадж. Припов. 106 и слѣд., гдѣ Вилы совѣтуютъ слѣпому промыть глаза тою водою, въ которой онѣ купались. Въ соотвѣтствующихъ Русскихъ, вм. Вилъ—нечистая сила, черти. Впрочемъ, и у Серб. Вила сближается съ дьяволомъ: Карадж. Пѣсм. I, 560.

[155] Карадж. II, 36, 218. Карадж. Рѣчн. Виленикъ, врзино коло; Arkiv za Povĕstn. Jugosl. I, 1851, Vile, 89—99.

[156] Карадж. Пѣсм. II, 440.

[157] Тамъ же I, 430; II, 48.

[158] Карадж. Пѣсм. I, 571—572; извѣщаетъ о несчастіи, тамъ же II, 505; III, 90—91.

[159] Карадж. Пѣсм. I, 150. О побратимствѣ съ юнаками см. ниже.

[160] У Вилъ, по нѣкоторымъ повѣрьямъ, есть кровныя дѣти (ср. Вила купаетъ свое дитя въ колодцѣ, Пѣсм. I, 153, подбрасываетъ дитя людямъ, тамъ же I, и т. п.), а между тѣмъ мужескаго миѳическаго существа, соотвѣтствующаго имъ, не видно. (Ср., впрочемъ, Карадж. Прип. 126). По Хорватскому повѣрью, Вилы пристаютъ къ людямъ, какъ Великорусскія Шутовки. Ср. Arkiv za Povĕstn. Jugosl. I, 101. Почерпнутыя изъ сказокъ извѣстія о связяхъ Вилъ съ богатырями приведутся ниже.

[161] Карадж. Пѣсм. I, 478; II, 319; III, 225. Тамъ же I, 151; 182; II, 218—219.

[162] Valjav. 1 и слѣд.

битыхъ Вилами (koje su Vile preobladale), а лице, соотвѣтствующее Анастасіи, названо царицею Вилъ, да такія выраженія, какъ:

«Дѣ си брате, Петре Мркоиитю?
«Какве тебѣ савладаше виле?» (Кар. Пѣсм. III, 164).

Въ томъ, что Вила поражаетъ стрѣлою въ руку, ногу и глазъ (отъ чего человѣкъ становится безрукимъ, слѣпымъ, хромымъ), [163] или убиваетъ того, кто нарушаетъ ея покой, или оскорбляетъ ее инымъ образомъ, — особенной воинственности не видно. Эти невидимые выстрѣлы болѣе напоминаютъ Эльбовъ, чѣмъ Валкирій.

Вилы принимаютъ дѣятельное участіе въ судьбахъ витязей. Онѣ усыновляютъ человѣческое дитя, воспитываютъ его, даютъ чудеснаго коня и силу побивать цѣлые непріятельскіе отряды. [164] Когда Марко Кралевичъ былъ еще мальчикомъ, случилось ему сдѣлать холодокъ изъ вѣтокъ надъ ребенкомъ Вилы. За это Вила три раза покормила его грудью, и тѣмъ дала страшную силу. [165] По пѣснѣ, Вила, вмѣстѣ съ силою въ бою, дала Марку и саблю. [166] Марко призываетъ Вилу на помощь въ войнѣ съ Русскимъ Царемъ, и Вила даетъ ему силу однимъ ядромъ побить четыре войска. [167] Въ смертной опасности Марко, а въ другой пѣснѣ Гайдукъ Новакъ, зовутъ Вилу-посестриму, напоминая ей данную ею клятву стать въ найбольшей пригодѣ. Вила является, и хитростью даетъ имъ побѣду. [168] Когда Марко шелъ на Свилаина Бана, слетѣлось къ нему девяносто Вилъ-посестримъ и окружило его ужасомъ. [169] Впрочемъ, присутствіе Вилы-посестримы не предохраняетъ богатыря отъ смерти въ бою. [170]

---

[163] Ilić 279.
[164] Valjav. 74—75.
[165] Тамъ же 64—65.
[166] Arkiv za Povĕstn. Jugosl. I, Vile. 96.
[167] Valjav. 63.
[168] Караджк. Пѣсм. II, 408—409; III, 32—33.
[169] Ark. za Pov. I, 96.
[170] Караджк. Пѣсм. II, 518.

2. Въ пѣснѣ Вила говоритъ о себѣ, что она рождена не матерью, а лѣсомъ [171] (гора). По мѣсту пребыванія Вила, часто называется: «Вила одъ горе, горска Вила, загоркиня». Быть можетъ, въ иныхъ случаяхъ разумѣется подъ этими названіями не лѣсная, а горная вила, по тому что Серб. гора значитъ гора и лѣсъ. Но, поймемъ ли такъ, или иначе, ошибки большой не будетъ: Вилы живутъ и въ горахъ (вила са планине), въ пещерахъ. И лѣсъ, и гора — символы облака, [172] а по тому вышеприведенныя черты можно считать за указанія на то, что Вила, подобно Валкиріи, есть облачное существо.

Въ одной сказкѣ Вила клянется источниками. [173] Есть Вилы рѣчныя (бродарице, перевозчицы?) и морскія. [174] Такія отношенія къ водѣ опять намекаютъ на связь съ облакомъ, по тому что небесная вода во многихъ случаяхъ замѣняется земною.

3. Въ пѣсняхъ Вила летаетъ, при томъ на бѣлыхъ крыльяхъ. [175] Отсюда вѣроятно, что она представлядась лебедью. Сказка, на которую мы уже ссылались, разсказываетъ слѣдующее: «Отецъ посылаетъ троихъ сыновей по очереди сторожить, чтобы лебеди цвѣтовъ въ саду не ѣли. Младшій ловитъ одну лебедь. Лебедь оборачивается Вилою, ложится съ нимъ и засыпаетъ. Подкрадывается одна дѣвица и отрѣзаетъ у спящей косу. Вила просыпается и, улетая, поручаетъ мужу искать себя въ золотомъ градѣ (замкѣ). [176] О значеніи лебеди сказано выше.

---

171 Тамъ же I, 182. Ср. «Говоре, да се Виле радяю изъ становите (коренастой) траве, што по ливадахъ цвате и што има коренъ наликъ на главицу црвенога лука. Она трава по утру рано за росомъ има на себѣ некакове бале (пузырьки?). Изъ тихъ бала радяю се виле.» Ark. za Pov. I, 97—99. Тамъ же два, очевидно позднія, повѣрья, что Вилы-дочери Адама, скрытыя имъ отъ Бога, и что онѣ дѣвицы, которыхъ Богъ наказалъ за гордость, превративши ихъ ноги въ копыта. Послѣдняя черта замѣчательна.

172 Mannh. Myth. во многихъ мѣстахъ.

173 Карадж. Припов. 126.

174 Valjav. 13.

175 Карадж. Пѣсм. II, 49.

176 Valjav. 29.

4. О связи Вилы съ конемъ говорятъ Сербскіе эпитеты коня, вилованъ, виловитъ, вилени. Судя по слову «виленакъ, біесанъ, човѣкъ, као да су Виле у нему,» одержимый Вилами, эпитеты эти значатъ то же (біесанъ, помаманъ), и сами по себѣ доказываютъ только, что демоническія качества, проявлявшіяся и въ конѣ, и въ человѣкѣ приписывались наваждению Вилъ, или даже пребыванію ихъ въ навиженномъ. Но упомянутые эпитеты только въ пѣсняхъ сравнительно новыхъ приписываются обыкновеннымъ добрымъ конямъ. У самихъ вилъ есть чудесные, особенно сродные съ ними, кони, [177] которыми они надѣляютъ богатырей, на примѣръ, Марка Кралевича. [178] Въ Хорватскихъ сказкахъ виленски конь, конь одъ виле, это тотъ самый конь, при помощи коего богатыри совершаютъ свои трудные подвиги. Все это заставляетъ видѣть въ словѣ вилованъ больше, чѣмъ указаніе на то, что Вилы, подобно Эльбамъ, насылаютъ болѣзни.

Вилы, по Хорватскому повѣрью, заѣзживаютъ людскихъ лошадей, какъ вѣдьмы и Мары. Выбираетъ Вила самую лучшую лошадь. Грива у лошади, на которой ѣздитъ Вила, такъ спутана, что распутать, или снять (какъ снимается колтунъ) можетъ только сама Вила. Но она это сдѣлаетъ, когда совсѣмъ изведетъ лошадь, отрѣзать же нельзя, по тому что лошадь сейчасъ околѣетъ. [179] Такая ѣзда на земныхъ лошадяхъ предполагаетъ, что Вилы въ своемъ болѣе древнемъ видѣ ѣздятъ на небесныхъ коняхъ (тучахъ), а это въ свою очередь предполагаетъ ихъ тождество съ этими небесными. Слѣдъ этого послѣдняго представленія остался въ сказкахъ. Въ одной—чудесный конь, который летитъ какъ стрѣла, названъ прямо Вилой. [180] Въ другой, три брата сторожатъ свой сѣнокосъ, на который Вила со своими дочерьми гоняла лошадей. Младшій ложится на мѣшокъ, наполненный муравьями, чтобъ не заснуть, какъ братья, и ловитъ коня меньшой Вилиной дочери. Вмѣсто выкупа, она даетъ ему узду:

---

[177] Тамъ же 73. Серб. виленски конь, родъ мотылька.

[178] Valjav. 68.

[179] Ilić 281.

[180] Valjav. 17, 19.

стоитъ только потрясти уздою, и она сама, Вила, мигомъ явится и сдѣлаетъ все, чего онъ ни пожелаетъ (Изъ этого видно тождество Вилы съ конемъ). На другой день онъ призываетъ вилу и требуетъ, чтобъ она стала его женой. Вила выходитъ за него, живетъ съ нимъ семь лѣтъ, рожаетъ двое дѣтей Разъ, уходя изъ дому, мужъ забылъ взять съ собою ключи отъ сундука, гдѣ лежала уздечка. Жена нашла эту уздечку, забрала дѣтей и ушла въ Цареградъ (миѳическій, неземной городъ, откуда она родомъ). Мужъ, узнавши о своей потерѣ, встрѣчаетъ двухъ братьевъ, которые ни какъ не могутъ раздѣлиться отцовскимъ наслѣдствомъ: плащемъ-невидимкой и сапогами-скороходами Хитростью отнимаетъ онъ этѣ вещи и переносится къ женѣ. Жена въ это время съ матерью и сестрами сѣла за столъ. Онъ, оставаясь невидимкою, осушаетъ ея кубокъ съ виномъ. Тѣ стали про него вспоминать: «Богъ знаетъ, какъ онъ тамъ живетъ?» Тогда онъ снялъ плащъ и остался тамъ жить. Жилъ триста лѣтъ, и показалось ему, будто три года. Черезъ пятьнадцать дней суждено ему было умереть, а триста лѣтъ искала его смерть и не могла найти. [484]

---

[484] Valjav. 14. Тамъ же 38 слѣдующая сказка: Одинъ изъ трехъ братьевъ ловитъ въ просѣ трехъ вилиныхъ коней. Вила выкупаетъ ихъ и даетъ въ замѣнъ три узды: мѣдную, серебряную и золотую. «Когда будетъ нужно, говоритъ, подойди къ дупленастому дереву, — тряхни въ первый разъ мѣдною, въ другой серебряною, въ третіи золотою уздою, и явятся кони.» (Продолженіе сходно съ Русск. сказкой Аѳ. II, 73, 88; III, 21 и пр. Въ этѣхъ послѣднихъ сынъ три ночи ходитъ на могилу отца, и за это получаетъ коней. (Значитъ, кони тоже съ того свѣта). Сказ. Valjav. 14 по 2-й половинѣ (мужъ переносится къ женѣ при помощи сапоговъ-скороходовъ и пр.) повторяется въ Словенской сказкѣ Berona (Skult. a Dobš. I, 222), тождественной съ 1-й половиною Серб. варіянт. A, сказки о Тугар.—Ради нѣкоторыхъ подробностей, замѣтимъ еще сказку Skrupinovy zámok, Skult. a Dobš. I, 342: На прудъ летаютъ купаться 3 павы-дѣвицы. Королевичъ крадетъ у младшей сорочку въ яичной скорлупѣ, безъ которой ей нельзя улетѣть. Она становится его женою, потомъ находитъ свою скорлупку и улетаетъ въ замокъ изъ яичныхъ скорлупъ. Королевичъ отыскиваетъ ее въ этомъ замкѣ, за желѣзною и мѣдною, на стеклянойгорѣ (Стеклянная гора— небо). Женина мать задаетъ ему 3 задачи. Онъ ихъ исполняетъ при помощи жены.

Уздечка здѣсь, очевидно, соотвѣтствуетъ лебединой сорочкѣ Валкиріи и перьямъ голубки въ варіянтѣ Б. нашей сказки. Замѣтимъ, что во многихъ разсказахъ о женидьбѣ людей на Марахъ, Шутовкахъ, Нѣм. Друтахъ, Альпахъ и т. п. существахъ, облачнаго, или заоблачнаго, происхожденія, повторяется на разные лады одинъ мотивъ: мужъ скажетъ женѣ жестокое слово, или спроситъ, откуда она родомъ, или до поры сниметъ у нея крестъ съ шеи, или ототкнетъ отверстіе, которымъ она летала въ избу, будучи Марою, и она исчезаетъ навсегда, или пока мужъ не отыщетъ ее при помощи сверхъ естественныхъ силъ.

5. Рѣшительнымъ подтвержденіемъ облачнаго происхожденія Вилы служитъ то, что она не только по зову побратима является изъ облака,[182] но и сбиваетъ, гонитъ облака. Дѣвица на вопросъ, по чему она все смотритъ на зеленую траву и не подыметъ глазъ даже тогда, когда надъ нею вьются молніи по облаку, отвѣчаетъ:

«Ни самъ вила, да збіямъ облаке,
Веть дѣвойка, да гледамъ преда се.»[183]

Въ другой пѣснѣ говорится, что градъ (палаты, замокъ) Вилы ни на небѣ, ни на землѣ, но на вѣтви облака на (грану, отъ грана) одъ облака).[184]

---

[182] Карадж. Пѣсм. II, 409.

[183] Тамъ же, 431 — 432.

[184] Тамъ же I, 151 — 152. Пѣсня стоитъ того, чтобъ привести ее цѣликомъ:

Градъ градила бѣла вила
Ни на небо, ни на землю,
Но на грану одъ облака.
На градъ гради трое врата:
Єдна врата сва одъ злата,
Друга врата одъ бисера,
Третя врата одъ шкерлета.
Што су врата суха злата,
На нйхъ вила сина жени;

Итакъ принимаемъ, что Анастасія въ сказкѣ о Тугаринѣ есть существо облачное, сходное съ Вилами и Валкиріями.

Што су врата одъ бисера,
На ни́хъ вила ктеръ удава;
Што су врата одъ шкерлета,
На ни́хъ вила сама сѣди,
Сама сѣди погледує,
Дѣ се муня съ громомъ игра,
Мила сестра су два брата,
А невѣста съ два девера;
Муня грома надиграла,
Мила сестра оба брата,
А невѣста два девера.

Вила выходитъ здѣсь изъ ряда «существъ не самостоятельнаго, не отдѣльнаго бытія», каковы «толпы Вилъ и Русалокъ» въ другихъ мѣстахъ (Бусл. Оч. II, 6). Это — обособившаяся, скорѣе божественная, чѣмъ демоническая, личность. Трое воротъ ея града напоминаютъ золотыя ворота въ царствѣ Гольды. Въ послѣднихъ 6 стихахъ приведенной пѣсни молнія есть, по видимому, то же лицо, что сестра и невѣста. Серб. невѣста — молодая по отношенію къ родителямъ и братьямъ мужа, по отношенію къ послѣднимъ она есть вмѣстѣ и сестра. Громъ, съ которымъ играетъ молнія — невѣста, распадается на два существа: двухъ братьевъ — деверей. Въ пѣсняхъ (Караджъ. Пѣсм. I, 155—156) у молніи, выходящей за мѣсяца, то два деверя — Петръ и Павелъ, то одинъ — Петръ. Молнія даритъ Петру (а о Павлѣ при раздачѣ подарковъ нѣтъ рѣчи) лѣтніе жары (Петровске, лѣтне врути́не). На этомъ основаніи, а также на основаніи связи Петра съ солнечнымъ символомъ, оленемъ, мы считали Петра за солнце. Но у Чеховъ на Свѣтлый Праздникъ поютъ: «Svatý Petr hřímá (гремитъ), natocí nám vína» (Sumlork, I, 136); по этому, можетъ быть, Петръ есть и громъ, что было бы согласно съ приведенною пѣснею о винѣ.

Кончая говорить о Вилахъ, укажемъ еще на одну черту, именно: на связь Вилы со звѣздою. Конь Валкиріи отрясаетъ съ гривы росу, но по Славянскому повѣрью роса не изъ тучи, а отъ зори и вообще отъ звѣздъ. Ср., кромѣ извѣстной загадки про зорю и ея ключи, т. е., росу, и кромѣ повѣрья, что вѣдьмы крадутъ зори (звѣзды), отъ чего бываетъ засуха, еще слѣдующее:

....Твоя се сретя родила,
Сунчаномъ ждракомъ повила,
Мѣсецемъ сяйнимъ гойла,
Звѣздама сяйнимъ росила (Кар. Пѣсм. I, 190 — 191).

Баба ни въ одномъ изъ варіянтовъ сказки о Тугаринѣ не названа Ягою.[185] Тѣмъ не менѣе мы считаемъ ее за Ягу, сколько на основаніи нѣкоторыхъ сказокъ, сродныхъ съ этою и приводимыхъ ниже, столько по слѣдующей причинѣ. Выше разсмотрѣнъ рядъ сказокъ о дѣвицѣ сиротѣ, которая выслуживаетъ у Яги награду, или спасается отъ ея преслѣдованія единственно по тому, что пользуется помощью животныхъ, или вещей, служа-

---

По Хорватскому повѣрью, созвѣздіе плеядъ (Хорв. Влашић, Русск. Волосожары и пр.) это семь Вилъ, которыя нѣкогда, «еще до начала свѣта (?), ходили по землѣ и водили хороводы, какъ и теперь Хорватскія дѣвицы, которыя между Юрьевымъ и Ивановымъ днемъ, собравшись по семи (по счету звѣздъ въ Волосожарахъ) водятъ хороводы и называются Виле ладарице. Когда перемѣнился свѣтъ (отъ Христіянства, какъ догадывается Г. Кукулевичъ), этѣ Вилы оставили нашу землю и стали жить въ звѣздахъ. Каждую ночь онѣ водятъ коло по свѣтлому небу, именно тогда, когда люди не видятъ ихъ за облаками. Ark. za Povĕstn. Jugosl. I, Vile, 83). Ср. еще слѣд. пѣсню (Карадж. Пѣсм. I, 150):

Рано рани дѣвойчица
И даницу вѣрну моли:
«О данице, о сестрице!
Подай мене свѣтлостъ твою,
Да наресимъ младостъ мою!»
Имала є дѣвойчица
Бѣлу вилу посестриму,
Коя й' лѣпо наресила:
Перомъ златнимъ загладила,
И не бѣли вратъ бисеромъ....

«Стихи 4 и 5 напоминаютъ одну Коломійку, въ которой красота дѣвицы объясняется тѣмъ, что она убрала голову (затикалася) осколками упавшей и разбившейся звѣзды. Въ нашей Сербской пѣсни дѣвица проситъ красоты у посестримы звѣзды; въ отвѣтъ на это Вила украшаетъ ее. Выходитъ, что звѣзда была Вила.

[185] Исключеніе составляетъ Словенская сказка, которую мы было упустили изъ виду: Chorý kráľ, Škultety a Dobš. Slov. Pov. kn. I, 144). Дѣйствіе въ ней происходитъ на другомъ свѣтѣ, на небѣ, куда Янко взобрался по высокой черешнѣ. Баба названа Ежибабою, три ея кобылы ея — дочерьми, отыскивать ихъ помогаетъ первые два раза одинъ пастушокъ, въ третій хромая лисица, которую Янко накормилъ. Янковъ конь, добытый у Бабы — братъ змѣеву коню.

щихъ Ягѣ. Намъ кажется, что этотъ самый мотивъ, только въ другомъ, богатырскомъ тонѣ, встрѣчаемъ въ сказкѣ о Тугаринѣ, который добываетъ у Бабы коня, благодаря помощи спасенныхъ имъ звѣрей: рыбы, лисицы и волка (Сербск. варіянт.), мухи, волка и рака (Мор. вар.), волковъ, пчелъ и раковъ (Русск. вар.). Относительно этой черты особенно важна Сербская редакція, по тому что указываетъ на связь рыбы и животныхъ, помогающихъ богатырю, съ Бабою, именно: въ этихъ животныхъ превращается Бабина кобыла, которой въ Словенскомъ варіянтѣ соотвѣтствуетъ три кобылы, прямо названныя Бабиными дочерьми. Во избѣжаніе длинныхъ отступленій, предположенія объ отношеніяхъ раковъ, пчелъ и рыбы къ Ягѣ, или близкимъ къ ней существамъ, будутъ изложены ниже. О томъ что волкъ, а особенно лисица замѣняютъ Ягу въ животныхъ сказкахъ, было сказано прежде.

Въ 4 варіянтахъ нашей сказки участіе животныхъ важно не въ одинаковой мѣрѣ: для Сербской и Моравской сказки нужны только животныя; Русская предоставляетъ имъ только отыскать и пригнать кобылъ и разбудить Тугарина, и вводитъ новыя лица, зятьевъ (вѣтра, града и грома), которые оживляютъ убитаго богатыря и достаютъ ему съ острова камень; въ Словацкой зятья эти (солнце, мѣсяцъ и вѣтеръ) помогаютъ Янку пасти кобылъ, а о животныхъ вовсе не говорится. Не смѣемъ утверждать, что эти зятья — новая вставка, но кажется, что они не имѣютъ той тѣсной связи съ Бабою и кобылами, какъ животныя.

Какъ въ сказкѣ о Тугаринѣ животныя помогаютъ добыть у Бабы коня, такъ въ слѣдующихъ двухъ они помогаютъ добыть Бабину дочь.

Ivica išel oca iskat (Valjav. 150): а) Ивица находитъ письмо своего отца, въ которомъ тотъ пишетъ: «Ищи меня на востокѣ, и тамъ достань у змѣя воды!» Онъ отправляется на поиски и достаетъ воды. б) На пути этою живою водою исцѣляетъ онъ мышь, пчелу и волка. Потомъ приходитъ въ заколдованный градъ (замокъ), гдѣ живетъ мать съ дочерью. Мать задаетъ ему задачи: если исполнитъ, да будетъ градъ и дочь ея въ замужество, а если нѣтъ, то погибнетъ. Сначала нужно за ночь разо-

брать мѣру смѣшаннаго зерна, такъ чтобъ всякая порода была особо. Мышь, спасенная имъ, сзываетъ другихъ мышей, и дѣло сдѣлано. Потомъ Бабина дочь бросила въ море свой перстень, но рыба, о которой прежде не упоминалось (знакъ, что сказка испорчена и что въ головѣ разсказчика вертѣлся варіянтъ, въ которомъ, какъ въ варіянтѣ А сказки о Тугаринѣ, говорилось о рыбѣ, вброшенной въ воду), достаетъ этотъ перстень и отдаетъ Ивицѣ. Третья задача до утра сдѣлать церковь и всю утварь изъ воску. Налетѣло пчелъ столько, что къ утру церковь была готова. Ивица вѣнчался тамъ съ Бабиною дочерью, замокъ былъ освобожденъ, а Бабу врагъ унесъ. в) За тѣмъ Ивица идетъ искать отца, и находитъ его при помощи волка. Очевидно, что начало и конецъ сказки (а и б) или вовсе не нужны для главной части (б), или до того забыты разсказчикомъ, что не вяжутся съ серединою.

Človĕk oslobodil zakl'etu devojku (Valjav. 152. Ср. Škult. a Dobš. 263, 536); Gr. März. I, N 62, Die Bienenkönigin). Въ одномъ градѣ было у Бабы три заколдованныя дѣвицы. Ѣдетъ освобождать ихъ старшій изъ трехъ братьевъ, наѣзжаетъ на муравьевъ, муравьи его кусаютъ, а онъ бьетъ ихъ; наѣзжаетъ на пчелъ, пчелы его кусаютъ, а онъ ихъ бьетъ; у самаго града утки на водѣ, утки кричатъ на него, а онъ думаетъ, что онѣ его ругаютъ, и перебиваетъ ихъ палкою. Баба, узнавши, за чѣмъ онъ пріѣхалъ, задаетъ ему въ одну ночь разобрать двѣ мѣры смѣшаннаго зерна, потомъ достать заброшенные въ море золотые ключи, и узнать добрую изъ трехъ заколдованныхъ дѣвицъ, съ головы до ногъ покрытыхъ черными покрывалами. Задачъ онъ не можетъ исполнить, ошибается въ выборѣ дѣвицы. Тогда «на дворѣ потемнѣло, раскрылась яма, гдѣ были уже мертвые (погубленные Бабою искатели невѣсты?), мертвые эти разорвали его на части и выбросили въ окно (Такъ!).

То же было и со среднимъ братомъ. Меньшой кормитъ муравьевъ и утокъ хлѣбными крохами, пчелъ цвѣтами. За то муравьи разбираютъ за него зерно, утки достаютъ со дна моря ключи, пчела показываетъ, которую изъ дѣвицъ слѣдуетъ забрать. Выбравши среднюю, онъ женился на ней, освободилъ градъ, а двѣ другія сами себя уморили.

Основная, по видимому, черта этѣхъ сказокъ, что градъ и дѣвица (или три дѣвицы) въ немъ закляты, могла бы удовлетворительно объясниться только тогда, когда бы удалось возвести всю сказку къ основному, физическому, значенію. Покамѣсть мы ищемъ не столько окончательнаго объясненія смысла сказокъ, объясненія, въ большинствѣ случаевъ невозможнаго, при пользованіи одними Славянскими и Германскими матеріялами, сколько установленія связи извѣстныхъ сказочныхъ мотивовъ съ извѣстными лицами. Въ настоящемъ случаѣ помощь, оказываемая животными, соотвѣтствующая той, которую замѣтили въ сказкѣ о службѣ сироты у Гольды-Яги, указываетъ, что Баба, во власти которой находятся дѣвицы, есть Яга. Въ соотвѣтствующей Нѣмецкой сказкѣ, вмѣсто Бабы, ein graues Männchen. Если это нашъ мужичокъ съ ноготокъ, борода съ локотокъ, то замѣна этимъ лицемъ Бабы-Яги не есть единственный случай: въ Словен. сказкѣ,[186] одного разряда со сказками о сиротѣ и Ягѣ, дѣвица, отвезенная въ лѣсную хатку по навѣтамъ мачихи, приняла и угостила старика нищаго. Этотъ нищій былъ Локтибрада. Ночью онъ является въ своемъ настоящемъ видѣ («na piad' chlap, na loket' brada) и награждаетъ дѣвицу. Мачиха посылаетъ туда же свою родную дочь. Эта прогоняетъ нищаго, за что Локтибрада ее съѣлъ, только кости да кожу оставилъ.

Для разъясненія, кто такова дѣвица, находящаяся во власти Бабы (Яги) и добываемая богатыремъ, приводимъ Словенскую сказку Jak pasl Janko kobylku.[187] Было три брата: два разумные, а третій дуракъ. По смерти отца старшій идетъ искать службы, и нанимается у Бабы, что живетъ въ хаткѣ въ лѣсу, пасти кобылку. Выгнавши кобылку на пастбище, онъ засыпаетъ. Кобылка уходитъ. Онъ отправляется искать, и встрѣчаетъ у колодца одного старика. Старикъ проситъ зачерпнуть воды и дать ему напиться. Тотъ отвѣчаетъ, что ему не до того. Кобылки не находитъ, и за это Баба рубитъ ему голову. То же со среднимъ братомъ. Меньшой даетъ старику напиться, а тотъ ему за это свистокъ и орѣховую палицу (lieskovu palicu). Янко свист-

---

[186] Škultety a Dobšinsky, Slovenske Povèsti kn. I, 13 и слѣд.

[187] B. Němcové Sloven. Pov. 409 и слѣд.

нулъ, и явилась кобылка; потомъ воткнулъ палку въ землю и сказалъ: «Palica drndaj!» [188] Палица загудѣла, кобыла стала прекрасною дѣвицею, а баба со своею избушкою исчезла.

Кобыла есть здѣсь та же дѣвица, которая въ 1-й изъ только что приведенныхъ Хорватскихъ сказокъ названа Бабиною дочерью. Во 2 Словен. варіантѣ сказки о Тугаринѣ, кобылы Бабины — тоже ея дочери. Такой животный образъ Бабиныхъ дочерей ведетъ къ заключенію, что онѣ, подобно матери, облачныя существа, т. е., просто облака или небесная вода. Не рѣшено, каковы отношенія дочерей къ матери. Этѣ дочери могутъ быть или олецетвореніями того же самаго явленія, что и Яга, или же явленія хотя и сроднаго, но не тождественнаго. Въ первомъ случаѣ онѣ смѣняютъ мать въ сознаніи народа; исчезновеніе Бабы, или освобожденіе дочери отъ ея власти, есть форма замѣны стараго божества новымъ. Во второмъ случаѣ дочери существуютъ одновременно съ матерью; ихъ существованіе условлено внѣшними впечатлѣніями; ихъ освобожденіе отъ матери есть физическое явленіе, подобное тому, какое выражается въ освобожденіи дѣвицы, или дѣвицъ (водяныхъ женъ, дождевыхъ потоковъ) отъ змѣя (мрачной тучи, скрывающей свѣтъ солнца и не пускающей плодотворнаго дождя на землю). Ниже увидимъ, что Яга точно имѣетъ много общаго со змѣемъ. Второе предположеніе кажется болѣе вѣроятнымъ, между прочимъ, по тому, что черты Яги лучше сохранены преданіями, чѣмъ слѣдовало бы ожидать, если бъ она была старымъ божествомъ по отношенію къ своимъ дочерямъ.

Въ Словенской сказкѣ упасти кобылку значитъ добыть въ замужество Бабину дочь. Не есть ли и пасенье Бабиныхъ кобылъ въ сказкѣ о Тугаринѣ миѳъ о бракѣ Бабиныхъ дочерей? Такой загадкѣ противорѣчитъ, по видимому, сама сказка о Тугаринѣ, въ которой богатырь пасетъ кобылицъ, чтобъ добыть коня такого, какъ у змѣя. Но Сербская сказка говоритъ, что этотъ конь есть сынъ Бабиной кобылы, а Русская — что онъ раждается уже послѣ того, какъ Тугаринъ отыскалъ въ тре-

---

[188] Drndati, дрожать и гудѣть, какъ струна; Срб. дрндаръ, шерстобитъ, волношенъ, отъ звука, издаваемаго шерстобитною тетивою.

тій разъ Бабиныхъ кобылъ. Отсюда видно, что пасенье кобылы и въ сказкѣ о Тугаринѣ можетъ быть тождественно съ бракомъ Бабиной дочери, отъ которой послѣ этого брака раждается чудесный конь. Все это было бы странно, если бъ мы не имѣли подобныхъ и уже разъясненныхъ Индійскихъ и Греческихъ сказокъ.

Но если предположеніе о тождествѣ пасенья кобылъ и брака вѣрно, то какъ же объяснить, что сказка о Тугаринѣ говоритъ о двухъ бракахъ этого богатыря: съ дѣвицею, которую мы признали за Вилу, и съ кобылою? На это можно отвѣтить такъ: а) 1-ая половина сказки о Тугаринѣ сохранилась и какъ самостоятельная сказка;[189] она и съ самаго начала могла быть самостоятельна, и только позже, хотя и до раздѣленія Славянскихъ племенъ, соединиться съ другою отдѣльною сказкою о пасеньи кобылъ. б) Мы видѣли тѣснѣйшее сродство, т. е., первоначальное тождество Вилы - Валкиріи съ конемъ. Возможно, что Вила (Анастасія, Ульяна), жена Тугарина, есть одно лицо съ кобылою и, стало быть, дочь Яги. Указаніемъ на это можетъ служить Мор. варіянтъ Б, въ которомъ чудесный конь, служащій у Яги, есть братъ жены богатыря, Вилы. Конечно, по варіянту А и В, если Вила есть одно лицо съ Бабиной кобылою, то чудесный конь долженъ быть ея сыномъ, а не братомъ; но въ этомъ случаѣ мы не находимъ основаній считать свидѣтельство одной сказки за вѣрное, другой за ошибочное. Могло быть два миѳа, различные по времени происхожденія: одинъ, съ которымъ еще встрѣтимся, о томъ, что конь есть сынъ самой Яги, другой, что онъ сынъ ея дочери. Т. е., хотя нельзя утверждать положительно, но можно догадываться, что во 2-й половинѣ сказки о Тугаринѣ повторяется въ другой формѣ тотъ же миѳъ о бракѣ этого богатыря, который составляетъ содержаніе первой половины. Отъ вѣрности, или ошибочности, этого предположенія не зависитъ другое, именно, что Баба, ея кобылы, добываемый у нея конь и Вила, жена Тугарина, находятся между собою въ ближайшемъ родствѣ.

Выше сдѣлана догадка, что богатырь, побивающій змѣя и пасущій кобылъ, есть одно изъ громовыхъ божествъ, т. е., лицо,

---

[189] На пр. Škult. a Dobš. I, 222.

соотвѣтствующее Индрѣ, или Агни. Это подкрѣпляется тѣмъ, что въ Словенской сказкѣ чудесный свистокъ заставляетъ кобылу явиться, а гудѣнье орѣховой палицы оборачиваетъ ее прекрасною дѣвицей. а) Свистъ и игра на сопѣлкѣ напоминаютъ свистъ вѣтра, а по тому замѣняютъ вѣтеръ, и суть средство накликать бурю. Послѣднее по такому же переходу мысли отъ сравненія къ причинѣ, по какому огонь служитъ средствомъ накликать на человѣка любовь и разныя болѣзни, представляемыя внутреннимъ огнемъ. Флисы, рабочіе на рѣчныхъ судахъ на Вислѣ, когда нужно вѣтру, бросаютъ на воду зажженную ткань, напитанную смолою, а сами свистятъ и играютъ на свирѣляхъ. Въ Русской сказкѣ [190] дурака бьютъ за то, что онъ играетъ и пляшетъ (вызываетъ вѣтеръ) передъ горящимъ овиномъ. Всѣмъ этимъ объясняется пословица: «Свисти, попе, церква горитъ!» (т. е., усиливай вѣтеръ, помогай своей бѣдѣ). «И свѣтъ наставъ, пôпъ не свиставъ,» можетъ быть, независимо отъ 1-й половины пословицы, по тому что свистъ предосудителенъ попу, по связи съ языческимъ обрядомъ и божествомъ. Въ нашей сказкѣ свистокъ вѣтеръ указываетъ на громовое божество, по тому что Индра весьма часто является въ сопровожденіи Марутовъ, бурныхъ вѣтровъ, съ громкимъ пѣніемъ гонящихъ облака. б) Кунъ, въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о сошествіи огня и божественнаго напитка, показалъ, что Индѣйцы, Греки, Римляне, Германцы представляли нѣкоторыя растенія, употреблявшіяся для добыванія огня посредствомъ тренія и хмельнаго напитка, воплощеніемъ небеснаго огня, молніи. Этимъ объясняются нѣкоторыя миѳическія свойства извѣстныхъ растеній: навлекать и удалять грозу, давать изобиліе молока коровамъ (т. е., первоначальнымъ небеснымъ коровамъ — тучамъ давать изобиліе дождевой воды), разрывать замки и запоры (какъ молнія разрываетъ тучу), открывать клады (какъ молнія открываетъ скрытыя за тучею сокровища солнечнаго свѣта). Къ числу воплощеній молніи принадлежала изъ Европейскихъ растеній, между прочимъ, омела и лѣщина. Свойства этой послѣдней, по Славянскимъ повѣрьямъ, почти совсѣмъ такія, какъ и по Германскимъ, [191] изъ чего слѣдуетъ,

[190] Аѳ. II, 19.

[191] Kuhn, Die Herabkunft des Feuers 227 — 229.

что и у Славянъ былъ сродный, а можетъ быть и тождественный съ Индѣйскимъ и Германскимъ, миѳъ о небесномъ происхожденіи и воплощеніяхъ земнаго огня. Такъ какъ здѣсь намъ нужно говорить только о лѣщинѣ, то мы вскользь упомянемъ объ обычаяхъ на Юрья выгонять скотъ въ поле вербою, замѣнившею здѣсь другое, громовое растеніе (Хорватск. Русское), сохранять въ домахъ зеленыя вѣтви, освященныя въ Вербную недѣлю, какъ предохранительное средство отъ громоваго удара (Хорв); о повѣрьи, что нѣкоторыя растенія, срѣзанныя косою, наводятъ дождь и бурю, и остановимся на слѣдующемъ: а) У Хорватовъ на 1-й день Рождества навязываютъ кужель на орѣховую палку и напрядаютъ нѣсколько нитокъ, которыя употребляютъ потомъ отъ нѣкоторой болѣзни скота. [192] б) Тамъ же, на Страстную Середу, Четвергъ и Пятницу дѣти ходятъ къ вечернѣ съ прутьями изъ лѣщины «korizmu terati,» прогонять постъ. [193] О связи же коризмы (поста) и Баби-Яги говорено выше. Изъ приведеннаго обычая видно, что Яга (какъ зима и смерть) находилась во враждебныхъ отношеніяхъ ко грому, начинающему весну. в) Лѣщина имѣетъ свойство удалять грозу, какъ видно изъ слѣдующаго, быть можетъ кое въ чемъ испорченнаго, варіянта Малорусскаго разсказа про знахаря Австріята: [194] Хозяинъ знахарь съ челядью громадилъ сѣно. Въ полдень собрались тучи, стало гремѣть и сверкать, а дождю ни капли. Вотъ подъѣзжаетъ къ знахарю какой-то панъ на бѣломъ конѣ и, не поднимая на него глазъ, говоритъ: «Пускай людей, они ужъ потомились!» — «А почему жъ ты не пришелъ ко мнѣ въ гости на Купала?» отвѣчаетъ знахарь. За симъ словомъ знахарь отошелъ за орѣховые кусты, за нимъ поѣхалъ тотъ панъ, и оба стали объ чемъ-то говорить. Черезъ нѣкоторое время знахарь воротился съ вѣткою лѣщины въ рукѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ тучи разсыпались страшнымъ градомъ на лугу знахарева сосѣда и врага, а знахареву сѣножать покропилъ только дробный дождикъ. Съ этимъ сравните повѣрье, что въ домъ, въ которомъ хранятъ громовой камень (громовую стрѣ-

---

[192] Ilić 101.

[193] Тамъ же 121.

[194] Записки о Ю. Р.; Siemieński, Podania i legendy 118.

лу), никогда не ударитъ громъ.[195] г) «Кто хочетъ найти кладъ, тотъ долженъ въ Новую Недѣлю (въ 1-е воскресенье по рожденіи мѣсяца) до солнечнаго восхода, во имя Отца и Сына и Св. Духа съ трехъ разъ отрѣзать прутъ бѣлой лѣщины (z bílé lísky). При этомъ брать прутъ рукою, обороченною бѣлымъ платкомъ, рѣзать новымъ ножемъ. Первый прутъ, окрещенный Каспаромъ, первымъ изъ 3 Царей, нуженъ при копаньи золота; второй, окрещенный Бальтазаромъ, вторымъ изъ 3 Царей, нуженъ при искань серебра; третій, названный Мелихаромъ, при отыскиваньи скрытыхъ водяныхъ источниковъ.»[196] Сочетаніе кладовъ и ключей не случайно. У Индѣйскихъ и Германскихъ Индра и Торъ не только Боги сокровищъ (добытыхъ у змѣя), но и рѣкъ и источниковъ. У Славянъ, какъ у Германцевъ, есть повѣрья объ источникахъ, открытыхъ громовымъ ударомъ. По Сербскому повѣрью «подъ лѣщиною, на которой выросла омела, есть змѣя съ дорогимъ камнемъ на головѣ и еще Богъ знаетъ сколько другихъ сокровищъ.»[197] Такимъ образомъ свистокъ и гудящая орѣховая палица указываютъ на то, что богатырь освобождаетъ Бабину дочь вѣтромъ и грозою.

По поводу сказки, которую мы называемъ, для краткости, сказкою о Тугаринѣ, мы привели двѣ Хорватскія сказки, въ которыхъ Бабина дочь добывается богатыремъ, благодаря услугѣ, оказанной животнымъ, и третью, Словенскую, въ которой этотъ мотивъ замѣненъ услугою, оказанною нищему. Въ слѣдующей Сербской (Дяволя маштанія (наваждение) и Божія сила, (Карадж. Прип. 116), объ услугѣ, оказанной кому бы ни было, не говорится, но за то приводится въ связь, съ освобожденіемъ Бабиной дочери, другой мотивъ, который мы уже встрѣчали въ сказкахъ о Ягѣ. Царевичъ, похитивши дѣвицу, спасается отъ преслѣдующей его матери средствами, подобными тѣмъ, которыми спасается дѣвица отъ Яги, на примѣръ, въ Русской сказкѣ Аѳ. I, 13, 89. Зимою на охотѣ пошла у Царевича кровь изъ носу.

---

[195] Houska III, 182.

[196] Тамъ же, II, 333.

[197] Карадж. Рѣчн. Мела. Объясненіе такого же Нѣмецк. повѣрья см. у Kuhn, Die Herabk. 229.

Глядя на снѣгъ, обагренный кровью, онъ подумалъ: «Охъ, если бъ мнѣ жениться на дѣвицѣ, бѣлой какъ снѣгъ и румяной какъ кровь!» Одна баба сказала ему, гдѣ найти такую невѣсту и дала хлѣбецъ, другая дала лѣсной орѣхъ, третья — Волоскій, и каждая научила употреблять этѣ вещи. Царевичъ приходитъ къ избѣ въ густомъ лѣсу. На него нападаетъ множество всякихъ звѣрей. но онъ бросаетъ имъ хлѣбецъ, и звѣри притихаютъ. Въ избѣ не было дверей, а окно высоко. Вотъ спускаетъ кто-то изъ окна золотую косу. Царевичъ схватился за эту косу, и его втянули въ окно. Смотритъ — это та самая дѣвица, которую онъ искалъ. «Благодари, говоритъ, Бога, что матери нѣтъ дома, пошла въ лѣсъ зелья брать, оборачивать молодцовъ въ звѣрей. Она оборотила звѣрьми всѣхъ, кто меня ни сваталъ, и они-то чуть тебя не разорвали. Побѣжимъ отсюда!» Побѣжали они, и слышатъ за собою погоню дѣвицыной матери. Царевичъ разбилъ орѣхъ, и изъ него полилась рѣка; но Баба палкой раздвоила воду и стала опять догонять. Царевичъ разбилъ Волоскій орѣхъ, и изъ него сверкнулъ такой огонь, что чуть лѣсъ не загорѣлся; но баба плюнула и — погасила огонь. Видитъ Царевичъ, что все это дьявольское навожденіе, перекрестился на востокъ, призвалъ сильнаго Бога на помощь, и вотъ ударилъ громъ и сжегъ Бабу. Царевичъ же по здорову прибылъ домой, окрестилъ дѣвицу, потомъ съ ней обвѣнчался.

Устранивши Христіянскія краски, замѣтимъ: а) что Яга окружена здѣсь звѣрьми, какъ Ала, замѣняющая Ягу въ сказкѣ Кар. Прип. 178. Эти звѣри, вѣроятно, души людей вообще, а не непремѣнно женихи Бабиной дочери. б) Въ соотвѣтствующей Нѣмецкой сказкѣ [198] вѣдьма держитъ дѣвицу въ лѣсу, въ башнѣ безъ дверей и лѣстницъ, и взбирается сама, потомъ Царевичъ, въ эту башню по волосамъ дѣвицы. Такое сходство доказываетъ древность мотива. Отношенія Бабы къ дѣвицѣ, какъ и въ вышеприведенныхъ сказкахъ, враждебны, что усиливаетъ вѣроятность сближенія Яги со змѣемъ. в) Орѣхъ съ огнемъ указываетъ на громовое божество. Въ концѣ прямо говорится, что громъ убилъ Бабу. Это, можетъ быть, очень древняя черта: вѣроятно, что Яга,

---

[198] Grimm, März. I, 65.

если она есть зимняя, скрывающая дождь туча, гибнетъ отъ грома.

Сербская сказка о похищеніи золотокосой дѣвицы служитъ намъ переходомъ къ другому кругу сказокъ, о похищеніи и бракѣ Бабиной дочери.

Варіянты: A. Dečck imel vilinskoga konja, Valjav. 5; Б. Zlatá podkova, zlatô pero, zlaty vlas, Škult. a Dobš. I, III; B. Zradní bratři, Nár. Poh. od J. K z Kadost. sv. VIII, 1; Г. Hloupy Jan a jeho kůň, Kuldy Poh. 621; Д. Боричев. Пов. и пред. Сл. плем. I, 123; Е, Баба-Яга, Аѳ. VII, 224.

Первая половина. Варіян. А. Семь братьевъ условились жениться не иначе, какъ на семи дочеряхъ одной матери. У шести братьевъ были добрые кони, а у седьмаго, младшаго, хоть и плохой на видъ, но Вилинъ конь (конь одъ Виле). Отправились въ свѣтъ, видятъ, оретъ баба восемью кобылами. Спрашиваютъ у нея, не знаетъ ли она такой матери, у которой бы было семь дочерей. Баба отвѣчаетъ, что у нея ихъ восемь. Пригласила она братьевъ къ себѣ, накормила, напоила и положила спать, каждаго съ одною дочерью, а восьмой, золотоволосой, она на свѣтъ не показывала. Всѣ поснули, но меньшой братъ, которому конь сказалъ, что у бабы на умѣ, поснималъ съ братьевъ шапки и понадѣвалъ на головы Бабинымъ дочерямъ, а со своихъ коней узды — на Бабиныхъ кобылъ. Баба встала, отрубила головы у своихъ дочерей, вмѣсто пріѣзжихъ молодцовъ, и у своихъ кобылъ, а не у чужихъ коней, и опять легла спать. Тогда меньшой побудилъ братьевъ; онѣ сѣли на коней, и побѣжали, а меньшой еще постучалъ въ Бабино окно и похвалился своимъ дѣломъ. Баба оборотила рогачъ въ коня, погналась за нимъ, и уже догоняла, но онъ успѣлъ перескочить черезъ ея межу.

Варіянтъ Б. Братьевъ 12. У меньшаго конь-Татошъ. Отецъ этихъ сыновей ищетъ для нихъ 12 дочерей одной матери. Видитъ, Баба оретъ шестью кобылами, спрашиваетъ у нея: не знаетъ ли она такой матери? Баба (Striga, вѣдьма) приглашаетъ его къ себѣ, въ конюшнѣ бьетъ плетью своихъ 12 кобылъ, и онѣ оборачиваются прекрасными дѣвицами. Высватавши

дочерей, Баба приглашаетъ жениховъ на свадьбу. За ужиномъ меньшой, по совѣту коня, выливаетъ подъ столъ первую чарку и первую ложку и бросаетъ туда вилку, съ первымъ кускомъ, а чарку, ложку и вилку, которыя превращаются въ стклянку, щетку и гребенку, прячетъ въ карманъ. Когда всѣ позасыпали, онъ перекладываетъ невѣстъ на мѣста женіховъ. Баба, въ послѣдствіе этого, убиваетъ своихъ дочерей. Янко будитъ братьевъ, и пока они бѣгутъ, стучится въ окно къ Бабѣ. Ежи-Баба садится верхомъ на лопату, пускается его догонять, и чтобъ остановить, бросаетъ передъ него сначала золотую подкову, потомъ золотое перо и золотой волосъ. Каждый разъ Янко, вопреки совѣту коня, останавливается, чтобы поднять, и Баба уже его настигаетъ, но онъ бросаетъ гребень, и вырастаетъ густой лѣсъ, потомъ щетку, и выростаетъ острый терновникъ, наконецъ стклянку, и разливается море. Моря вѣдьма не можетъ переѣхать, и братья спасаются.

Варіянтъ В не представляетъ ничего важнаго. Въ варіянтѣ Г совсѣмъ нѣтъ этой половины. Въ Д замѣтимъ, что Яга съ 12-ю дочерьми живетъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Е. У старика со старухой не было дѣтей. По чьему-то совѣту старикъ собираетъ съ каждаго двора въ селѣ по яйцу, сажаетъ на эти яйца насѣдку, и она высиживаетъ 41 мальчика. Младшій, заморышекъ, самый лучшій. Выросши, богатыри накосили сѣна и поставили 41 стогъ. Что-то стало поѣдать сѣно. Заморышекъ ловитъ вора — морскую кобылицу. За выкупъ кобылица даетъ своихъ жеребятъ, 41 морскаго жеребца. Братья ѣдутъ на этихъ коняхъ искать невѣстъ. У Бабы-Яги находятъ они 41 дочь. По совѣту коня, заморышекъ научаетъ братьевъ помѣняться платьемъ съ молодыми жонами. Яга, обманутая этимъ, убиваетъ своихъ дочерей. Братья бѣгутъ и спасаются отъ погони, при помощи украденнаго у Яги платочка.

Вторая половина. Варіянтъ А. Старшіе братья завидуютъ меньшему, и оставляютъ его. Онъ находитъ на пути и поднимаетъ три золотые волоса, три золотые пера и золотую подкову, нанимается конюхомъ къ одному Царю, ночью безъ огня при свѣтѣ своего золота чиститъ коней. По доносу другихъ конюховъ (его братьевъ?), Царь отбираетъ у него золото

и посылаетъ за дѣвицей, которой принадлежатъ волоса. Эта золотоволосая дѣвица—восьмая Бабина дочь. Она спрятана за 9 ю дверьми, съ 9-ю колокольчиками на каждой. Не смотря на это, молодецъ увозитъ ее, благодаря хитрости своего коня.

Царь хочетъ выдать дѣвицу за своего сына, но она требуетъ, чтобы сначала тотъ, кто ее увезъ, добылъ трехъ утокъ, съ которыхъ тѣ три золотыя пера, что у Царя. Молодецъ крадетъ утокъ у той самой Бабы, потомъ стучится къ ней въ окно и говоритъ: «Зарѣзала ты семь своихъ дочерей, увезли мы восьмую золотоволосую, увеземъ и трехъ утокъ!» Баба гонится за нимъ съ саблей-терницею (trlice) на конѣ рогачѣ (bruklo), но онъ, по совѣту коня, бросаетъ за себя найденный на дорогѣ гребень, и становится густой лѣсъ.

Опять золотоволосая не хочетъ выходить за Царевича, пока тотъ, кто ее увезъ, не добудетъ коня, съ котораго золотая подкова. Этотъ—конь пастухъ (жеребецъ) Вилиныхъ кобылъ, и живетъ на морѣ. Молодецъ обшиваетъ своего коня девятью буйволовыми кожами. Благодаря этому, тотъ конь побиваетъ морскаго жеребца. Молодецъ пріѣзжаетъ на этомъ послѣднемъ къ Царю, а морскія кобылы сами прибѣгаютъ за пастухомъ.

Въ третій разъ дѣвица не хочетъ ити за мужъ, пока тотъ, кто ее увезъ, не подоитъ морскихъ кобылъ и не выкупается въ ихъ молокѣ. Молодецъ выдоилъ кобылъ. Молоко ихъ кипѣло, какъ на огнѣ, но конь молодца втянулъ въ себя весь жаръ, молодецъ скупался, и сталъ въ трое красивѣе прежняго. Видя это, Царевичъ и самъ захотѣлъ выкупаться, но когда онъ влѣзъ, конь выпустилъ въ молоко весь жаръ, и Царевичъ сварился. Тогда Царь усыновилъ молодца и женилъ его на золотоволосой дѣвицѣ.

Варіянтъ Б. По навѣту конюховъ (по другому варіянту — братьевъ), Царь, у котораго Янко, оставивши братьевъ, нанялся за конюха, отбираетъ у Янка подкову, и посылаетъ къ Бабѣ за золотымъ конемъ, потомъ перо, и посылаетъ за уткою, несущею золотыя яйца, наконецъ волосъ, и посылаетъ за золотою дѣвицею. Каждый разъ Янко крадетъ у Бабы ключи, пря-

четъ, или ломаетъ, ея мечъ, потомъ будитъ ее, объявляя о своемъ подвигѣ. Въ 3-й разъ Баба отъ злости разлилась смолою.

Царь хочетъ жениться на золотой дѣвицѣ, но она согласна выйти только за того, кто ее увезъ. Царь велитъ Янку выбирать родъ смерти. Янко проситъ, чтобъ его сварили въ молокѣ (а какъ добывается это молоко, не сказано). Когда закипѣло молоко, Татошъ вдохнулъ въ себя весь жаръ. Царь хочетъ и себѣ того же, но сваривается въ молокѣ.

Варіянтъ В. Въ царствѣ того Царя, къ которому нанимаются братья, нѣтъ ни птицъ, ни звѣрей, ни вина. Старшіе братья, изъ зависти, наговариваютъ на меньшаго, что онъ можетъ снабдить царство всѣмъ этѣмъ. Царь посылаетъ меньшаго. Онъ крадетъ у Бабы сначала птицу, потомъ собаку и неистощимый боченокъ. Отъ того стало въ царствѣ изобиліе птицъ, звѣрей и вина.

Старшіе братья, чтобъ извести меньшаго, говорятъ Царю: Есть на морѣ островъ, на островѣ золотой за́мокъ, а въ немъ прекраснѣйшая въ свѣтѣ Царевна; если бъ Царь на ней женился, то помолодѣлъ бы и продлилъ бы свой вѣкъ. Царь посылаетъ за нею меньшаго Царевича. Онъ по пути бросаетъ рыбу и кормитъ орла. Великаны (oьŕi) за кормъ строятъ ему плотину до острова. Онъ увозитъ Царевну.

Царевна не хочетъ ити за Царя, пока не перенесутъ къ нему ея золотаго за́мка, потомъ — потеряннаго ею ключа къ за́мку, въ третьихъ—пока не достанутъ съ ея острова живой и мертвой воды.

За́мокъ переносятъ за кормъ великаны, ключъ достаетъ со дна моря рыба. За третьимъ разомъ волна захватываетъ Царевича на плотинѣ, но орелъ переноситъ его тѣло на островъ, и оживляетъ живою водою. Царевичъ набираетъ живой и мертвой воды, братъ орла переноситъ его на родину.

Царевна хочетъ будто бы помолодить своего стараго жениха, но, вмѣсто живой воды, мажетъ его мертвою. Царевичъ становится, вмѣсто его, Царемъ и женится на добытой съ острова

красавицѣ. Потомъ, по просьбѣ своего коня, рубитъ ему голову, изъ которой вылетаетъ бѣлая голубка.

Варіянтъ Г. Иванъ-дуракъ на пути поднимаетъ золотую подкову и мертвую золотоволосую голову. Царь, къ которому онъ нанимается, думаетъ, что это голова его кѣмъ-то похищенной дочери, хочетъ казнить Ивана, какъ убійцу. Иванъ, по совѣту своего коня, обѣщаетъ Царю найти его дочь. За горами Иванъ находитъ скалу. «Ударь въ эту скалу, говоритъ ему конь! Она подастся и откроетъ ходъ подъ землю. Подъ землею будетъ домъ, а въ немъ Баба будетъ колыхать въ люлькѣ ту самую Царевну. Ты не отвѣчай на привѣтствіе Бабы, а ударь ее по лицу, такъ чтобы память у нея отшибло, схвати Царевну и бѣги на верхъ!» Иванъ такъ и сдѣлалъ. Царь выдаетъ Царевну за Ивана, но она не хочетъ, пока Иванъ не достанетъ 3-хъ свадебныхъ платьевъ въ 3-хъ орѣхахъ. Иванъ находитъ эти орѣхи у Бабы, въ прежней люлькѣ Царевны. Баба гонится за нимъ, но не можетъ догнать. Потомъ Царевна посылаетъ Ивана за тремя перьями съ хвоста змѣя, что за Краснымъ моремъ. (Этотъ мотивъ вставленъ изъ другаго ряда сказокъ. Ср. Аѳ. I, 61; II, 124 и др.) Въ третій разъ Царевна заставляетъ пригнать 12 морскихъ кобылъ, что выходятъ изъ Краснаго моря, и выкупаться въ ихъ кипучемъ молокѣ (какъ въ варіянтѣ А). Вышедши за мужъ за Ивана, который отъ купанья сталъ красавцемъ, Царевна говоритъ ему: «Та Баба въ скалѣ была моя мать, скала и подземелье—это наше зачарованное царство, а твой конь — мой зачарованный братъ.» Поѣхали къ скалѣ. Тамъ Иванъ, по просьбѣ коня, отрубилъ ему голову, и изъ него сталъ Царевичъ. Царевна затрубила въ трубу, изъ скалы и подземелья сталъ многолюдный городъ. Тамъ Иванъ царствовалъ до смерти.

Варіянтъ Д очень испорченъ. У Яги есть мертвая голова: захочетъ Яга навести дождь, — выставитъ ее на дворъ; спрячетъ ее — начинаетъ свѣтить солнце. Младшій Царевичъ крадетъ эту голову, хочетъ украсть и говорящую птицу, но тутъ его ловятъ. (Конецъ — изъ другой сказки, въ родѣ Ивася и Вѣдьмы). Въ варіянтѣ Е нѣтъ второй половины.

Дѣленіе этой сказки на двѣ половины основано на томъ, что 1-й половины вовсе нѣтъ въ варіантѣ Г, а второй въ Е, и на томъ, что вообще связь между этѣми половинами очень слаба. Цѣльность второй половины мало теряетъ отъ того, что въ варіян. А и Б зависть конюховъ преслѣдуетъ чужаго имъ человѣка, а не брата. Весьма возможно, что тождество дѣйствующихъ лицъ было только поводомъ къ сшивкѣ двухъ различныхъ сказокъ, а не ихъ первоначальною связью. О дѣйствующихъ лицахъ замѣтимъ слѣдующее:

Баба. Если вѣроятно предположеніе, что Баба, въ сказкѣ о Тугаринѣ и въ сказкахъ о бракѣ Бабиной дочери, есть Яга, то, независимо отъ яснаго указанія варіян. Е, съ не меньшею вѣроятностью говоримъ тоже и о Бабѣ въ только что приведенной сказкѣ, которую назовемъ сказкою о золотоволосой дѣвицѣ. Въ этой послѣдней, какъ и въ предыдущихъ, дочери Бабы-кобылы, о чемъ ясно говоритъ варіянтъ Б; подробности о бѣгствѣ отъ Бабы (гребень, щетка, стклянка) повторяются и въ сказкахъ о Ягѣ; наконецъ, хатка на курячьей ножкѣ постоянный признакъ Яги, и отношеніе къ дождю и солнечному свѣту (срав. Гольду) приписываются варіянтомъ Д и нашей Бабѣ. Стоитъ замѣтить, что, по варіянту А и Б, Баба оретъ своими кобылами (дочерьми). Плугъ и оранье (но не кобылами-дочерьми, а Эльбами, душами) приписываютъ Германскія повѣрья и Бертѣ, лицу, соотвѣтствующему Ягѣ. Здѣсь дадимъ мѣсто слѣдующей догадкѣ. Въ Индоевропейскихъ языкахъ есть весьма древняя связь представленій оранья и плаванья, плуга и лодки, или весла: [199] не было ли такой же связи между божествомъ орущимъ, имѣющимъ за символъ плугъ, и божествомъ, которое имѣетъ символъ лодку? На это послѣднее указываютъ слѣдующіе обряды: «Начиная со 2-го дня Р. Х. до Крещенья, въ

---

[199] Въ словахъ кор. ар (рі), на примѣръ, въ Славянск. ра (д) ло, Лат. arātrum и въ Скр. арáтра, весло, руль, часть воза, эта связь можетъ основываться на томъ, что какъ плугъ рѣжетъ землю («Якъ плугомъ вóдрѣзавъ»), такъ весло бороздитъ, рѣжетъ воду (сравн. загадку: «Ѣду, ѣду, слѣду нѣту; рѣжу, рѣжу, крови нѣту» — лодка; весло); въ такомъ случаѣ исходная точка обоихъ рядовъ словъ (т. е., значеній плуга и весла) будетъ

Тихвинѣ, переряженные, называемые окрутниками, кудесниками, куликами, щеголями, украшаютъ разноцвѣтными знаменами лодку, кладутъ ее на нѣсколько саней и возятъ множествомъ запряженныхъ лошадей по улицамъ; на лошадяхъ и въ лодкѣ, въ разноцвѣтныхъ одеждахъ и личинахъ, сидятъ окрутники; они поютъ и играютъ; народъ провожаетъ ихъ, богатые угощаютъ ихъ виномъ и кушаньемъ» (Терещ. VII, 304 — 305). Лодка съ госпожею масляницею, стало быть, съ женскимъ миѳическимъ лицемъ, появляется на Мясяной, которая въ важныхъ чертахъ сходна съ Рождествомъ, именно въ обрядной пищѣ (капуста, колбасы) и въ томъ, что на Масляной, передъ заговѣнами, въ Германіи ходятъ по домамъ Frau Harke, Frau Holle и наказываютъ прядущихъ въ это время пряхъ. [200] «Въ Сибири было обыкновеніе возить по улицамъ огромной величины корабль съ парусами и снастями, поставленный на нѣсколькихъ, вмѣстѣ сколоченныхъ, саняхъ, запряженныхъ 20-ю лошадьми. Въ немъ сидѣли наряженные скоморохи, медвѣдь и госпожа масляница». [201] Подобный обычай есть и въ Архангельскѣ. Мнѣніе, что все это

значеніе Скр. ар, рінѳми, рвать (verletzen — слишкомъ отвлеченно), а можетъ быть именно рвать на ходу землю (пути касатися, въ путь касатися, cагреге viam; ср. слова этого корня въ моемъ соч. О нѣкотор. символ. 142, 147). Въ сл. плугъ (кор. плу, со знач., вѣроятно, болѣе неопредѣленнымъ, чѣмъ наше плыть; въ Скр. одинъ глаголъ этого корня значитъ просто итти), нѣчто идущее, или нѣчто плывущее, какъ по водѣ; представленія «рвать» не видно.

Въ позднѣйшей народной поэзіи поле сближается съ моремъ: «Бацн плочу (подкову) у море, а плоча те трагове, трагове те батове, а батови — цвѣтовѣ,» т. е., брось сѣмя гарбуза въ поле, въ землю, оно пуститъ ростки, изъ ростковъ — побѣги, изъ побѣговъ — цвѣты (Ilić 225). Въ одной пѣснѣ (Карадж. I, 513) развита мысль, что море — нива рыбака, а морскія рыбы за него орутъ, волочатъ, сѣютъ, жнутъ. Пословицѣ: «Кручиною поля не переѣдешь» соотвѣтствуетъ другая: «Жалью моря не переѣдешь,» вѣкъ не изживешь (Даль 29). Основываясь на этомъ, можно видѣть слѣды сближенія и въ такихъ мѣстахъ, гдѣ поле и море только риѳмуются, но упоминаются рядомъ не какъ символъ и обозначаемое, а какъ одновременно существующіе предметы, на прим., Карадж. Пѣсм. I, 263, 318.

[200] Kuhn u. Schw. Norddeutsche Sag. 370—371.

[201] Терещ. VII, 337.

есть подражаніе маскараду, данному Петромъ Великимъ, въ Москвѣ, похоже на другое, что блины завелись у насъ съ Петра.

Женское божество съ лодкою было и у Германцевъ. Тацитъ говоритъ объ обожаніи Изиды у Свевовъ. Германская богиня напомнила ему Изиду, которой въ Римѣ, при открытіи навигаціи, приносилась въ жертву ладья. Извѣстія о языческихъ обходахъ, съ плугомъ и лодкою на колесахъ, и объ отношеніи лодки къ женскому божеству, собраны у Гримма и Вольфа. [202] Если всѣ этѣ обряды изображали обходы Яги-Берты, той самой, которая, вѣроятно, въ мѣстахъ далекихъ отъ моря и большихъ рѣкъ, представлялась пашущей, то упомянутое сближеніе плуга и лодки идетъ глубоко въ Миѳологію.

Не можемъ объяснить, что значитъ та черта нашей сказки, что Баба, по ошибкѣ, убиваетъ своихъ дочерей, вмѣсто ихъ жениховъ, но находимъ здѣсь сходство со сказкою объ Ивасѣ и Вѣдьмѣ. Какъ въ этой послѣдней Вѣдьма, по хитрости Ивася, съѣдаетъ, вмѣсто него, свою дочь, и какъ Ивась, забравшись на дерево, самъ извѣщаетъ ее объ этомъ, такъ здѣсь Баба, по хитрости младшаго брата, побиваетъ дочерей и отъ него же узнаетъ объ этомъ. Быть можетъ, отъ значенія младшаго Царевича, можно бы заключать къ значенію Ивася; но мы не знаемъ, что думать о сходствѣ этѣхъ двухъ лицъ.

Въ варіантѣ В у Бабы добываются птица, звѣрь и боченокъ вина, отъ которыхъ по всему царству настаетъ изобиліе птицъ, рыбы и вина. Эта черта не повторяется въ другихъ варіантахъ и нарушаетъ симметрію въ расположеніи сказки, не имѣетъ связи съ похищеніемъ Бабиной дочери, составляющими главное содержаніе другихъ варіантовъ, а по тому, можетъ быть, вставная. Смыслъ ея, можетъ быть, тотъ, что у Яги, къ которой по смерти идутъ души и изъ царства которой онѣ опять возвращаются на этотъ свѣтъ, хранятся и начала всякой земной жизни: птица всѣмъ птицамъ мать, всѣмъ птицамъ старшая и большая и т. д.

Бабина дочь. Въ пѣсняхъ весьма часто два символа предшествуютъ обозначаемому, такъ что если обозначаемое есть че-

---

[202] Grimm, Myth. 236—241; Wolf, Beitr. I, 151—157.

ловѣческая личность, то она является въ трехъ формахъ. Такъ, на примѣръ, въ Малороссійской:

Чи я въ лузѣ не калина була...
Чи я въ полѣ не пшеница була...
Чи я въ батька не дитина була...

Или въ Сербской:

Не піє се ладна вода быстра студена,
Нитъ се бере струкъ босилька зими зелена,
Нитъ се люби Дилберъ Мара бѣла румена.

То же самое встрѣчается и въ сказкахъ, которыя управляются тѣми же законами, что и пѣсни, хотя построеніе ихъ можетъ быть гораздо сложнѣе. Въ сказкѣ одно и то же событіе можетъ повториться нѣсколько разъ (обыкновенно — три, рѣже шесть и девять), но такъ что одно изъ дѣйствующихъ въ немъ лицъ, каждый разъ является въ другомъ видѣ. Можно ожидать, что животныя и вообще не человѣческія формы человѣкообразныхъ существъ будутъ появляться въ сказкѣ прежде человѣческихъ, подобно тому, какъ въ пѣсняхъ относительно древняго строенія образъ предшествуетъ обозначаемому и не слѣдуетъ за нимъ. Такъ и есть въ варіантѣ Б. Баба, чтобъ остановить бѣгущаго, подбрасываетъ ему сначала подкову, потомъ перо, въ 3-й разъ волосъ. Вещи этѣ такъ почти относятся къ тѣмъ существамъ, которымъ принадлежатъ, какъ въ другихъ сказкахъ (на примѣръ, о Тугаринѣ), клокъ шерсти къ животному, съ котораго взятъ, луска — къ рыбѣ, которая является по зову и служитъ тому, въ чьей власти частица ея самой; какъ въ чарахъ слѣдъ, тѣнь, рубашка относятся къ лицу, отъ котораго взяты и на которое направлены чары. Вещи этѣ такъ связаны съ конемъ (вѣроятно, кобылою), уткою, дѣвицею, что овладѣть ими значитъ стать на пути, который необходимо приведетъ ко власти надъ самимъ конемъ, уткою и дѣвицею. Т. е., сказка, заставляя героя поднять найденную на пути подкову и проч., тѣмъ самымъ указываетъ символически на тотъ рядъ подвиговъ, который его ожидаетъ въ будущемъ. Въ варіантѣ А порядокъ иной: герой сначала поднимаетъ три золотые волоса, потомъ три пера, наконецъ подкову. Согласно съ этѣмъ, его посылаютъ сначала за

золотоволосой дѣвицей, потомъ за утками и кобылами. Утки и кобылы, какъ увидимъ, — символы дѣвицы; стало быть, порядокъ появленія символовъ и обозначаемаго обратный, сравнительно съ пѣсенными. Выходитъ, что мысль пѣвца иначе относится ко взятымъ изъ внѣшней природы образамъ лицъ и состояній, чѣмъ мысль сказочника можетъ относиться къ животнымъ образамъ человѣкообразныхъ миѳическихъ существъ. Въ пѣсняхъ, подобныхъ двумъ приведеннымъ, сравненія имѣютъ уже смыслъ чисто субъективный: калина и пшеница для пѣвца только намеки на дѣвицу, только размахъ мысли, которая, по чему бы ни было, не можетъ прямо обратиться къ главному своему предмету. Мысль о дѣвицѣ, если бы она была дана съ разу, не требовала бы дополненія посредствомъ своихъ символовъ; въ Малорусской пѣснѣ куплеты о пшеницѣ и калинѣ потеряли бы интересъ, если бъ были помѣщены послѣ куплета: «Чи я въ батька не дитина була». Но въ сказкѣ животные образы, и послѣ появленія человѣческихъ, сохраняютъ свое дѣйствительное существованіе: первые являются принадлежностями послѣднихъ; обладаніе золотоволосою дѣвицею не полно безъ обладанія утками и кобылами.

Предположеніе, что кобыла и утка первоначально тождественны съ золотоволосою дочерью Яги въ варіантѣ Б не встрѣчаетъ препятствій со стороны числа кобылъ и утокъ: у Бабы похищаютъ сначала одну оставшуюся въ живыхъ дочь, потомъ одну утку и кобылу. Но въ варіантѣ А красавица одна, утокъ три, кобылъ двѣнадцать. Это противорѣчіе устраняемъ такимъ образомъ: изъ этой и выше приведенныхъ сказокъ видно, что число Бабиныхъ дочерей непостоянно: вѣроятно, что уже съ очень давнихъ поръ существовали рядомъ редакціи нашей сказки, различныя относительно числа Бабиныхъ дочерей и ихъ принадлежностей или животныхъ образовъ, и что позднѣйшій разсказчикъ, не понимавшій уже отношенія человѣкообразныхъ лицъ сказки къ ихъ животнымъ образамъ, заимствовалъ число однихъ изъ одной, число другихъ изъ другой редакціи. Если допустимъ это, то другихъ препятствій къ отождествленію Бабиной дочери съ утками и кобылами не встрѣтимъ. Въ варіантѣ Г сказки о Тугаринѣ Бабины кобылы, прямо названныя ея дочерьми, оборачиваются утками. Хотя кобылы, за которыми посылаетъ дѣ-

вица и которыя однѣ только нужны для сказки (жеребецъ, пастухъ вилиныхъ кобылъ, упоминаемый въ варіянтѣ А, черта литняя) названы морскими и добываются на морѣ, а не у Яги, но тождество ихъ съ Бабиными дочерьми видно изъ слѣдующаго: а) въ варіянтѣ Г сказки о Тугаринѣ говорится о кипучемъ молокѣ кобылъ Бабиныхъ дочерей; въ варіянтѣ А, Г нашей сказки — о такомъ же молокѣ морскихъ кобылъ; это молоко, подобно живой водѣ варіянта Г, сообщаетъ красоту тому, кто въ немъ выкупается. б) Яга есть первоначально божество только воздушное, но съ теченіемъ времени, какъ Инд. Варуна, становится и водянымъ, что, кромѣ вышеприведеннаго о плугѣ и лодкѣ, подтверждается еще нѣкоторыми данными. Согласно съ этѣмъ, золотоволосая дѣвица, дочь Яги, по варіянту А, Б, Г, по варіянту В, есть морская дѣвица и живетъ въ замкѣ на острову среди Краснаго моря. По этому происхожденіе кобылъ изъ моря ни сколько не противорѣчитъ ихъ тождеству съ Бабиными дочерьми, къ числу коихъ принадлежитъ и золотоволосая.

Такимъ образомъ шесть событій, упоминаемыхъ въ нашей сказкѣ (именно: находка трехъ вещей и похищеніе трехъ существъ) сводятся къ одному похищенію Бабиной дочери. Что эта послѣдняя представлялась въ древнѣйшей редакціи этой сказки именно кобылою, о томъ говоритъ тѣсно связанное съ похищеніемъ доенье кобылъ, т. е., первоначально одной кобылы, той самой, которая похищена. Въ варіянтѣ В этому доенью соотвѣтствуетъ добываньe живой и мертвой воды съ того острова, на которомъ жила царь-дѣвица; молоко и живящая и цѣлющая вода — различныя представленія одного и того же явленія: дождя.

Въ Индійской и Германской миѳологіи Индра и Торъ доятъ тучи, представляемыя коровами, и отъ этого происходитъ дождь. Кобылы нашей сказки тоже тучи, а по тому доящій ихъ долженъ быть божествомъ, однороднымъ съ Индрою и Торомъ. Несомнѣнно, что отношеніе грома къ дождевой тучѣ представлялось и бракомъ. По нашему предположенію, сказки о пасеньи кобылы заключаютъ въ себѣ миѳъ о бракѣ Бабиной дочери. Весьма вѣроятно, что то же значеніе имѣетъ и доенье кобылы, и (такъ какъ всѣ варіянты сказки о З. Д. оканчиваются женить-

бою на похищенной) вѣрно, что это доенье связывалось съ миѳомъ о бракѣ небесныхъ существъ.

Конь. Варіянтъ Г очень испорченъ. Это видно, между прочимъ, въ томъ, что Царевна, которая въ другихъ варіянтахъ назначается въ жены Царю и не находится съ ними ни въ какомъ родствѣ, здѣсь сначала названа его дочерью, но дальше оказывается дочерью Бабы, живущей въ подземномъ царствѣ, т. е., Яги. Не смотря на такую порчу, замѣчательно въ этотъ варіянтѣ, что конь, служащій Ивану, названъ братомъ Царевны и, слѣдовательно, сыномъ Яги. Пренебрегать этою чертою мы не можемъ по тому, что находимъ ее и въ слѣдующей Сербской сказкѣ. Мальчикъ нанимается къ Вилѣ на службу. Однажды, когда Вила пошла на ловъ, онъ сталъ пересматривать все въ домѣ, увидалъ горшокъ, запустилъ туда руки — руки позолотились, голову — голова тоже. Потомъ онъ нашелъ коня, который ему сказалъ: «Эта баба — Вила и моя мать; по злобѣ она оборотила меня конемъ. Завяжи чѣмъ ни будь голову и руки, возьми вонъ тотъ рогъ и ножъ, садись на меня и побѣжимъ!» Побѣжали. Баба, воротившись, погналась за ними. Когда она стала нагонять, мальчикъ бросилъ сначала рогъ, изъ котораго сдѣлалась гора, потомъ ножъ, изъ котораго выросъ лѣсъ ножей. Спасшись, мальчикъ нанимается садовникомъ къ Царю, женится на полюбившей его Царевнѣ. Конь ему служитъ, какъ въ сказкѣ Аѳ. II, стр. 89. [203] Бѣгство и спасеніе посредствомъ нѣкоторыхъ чудесныхъ вещей, изъ коихъ выростаютъ лѣса, горы и разливаются рѣки, и сосуды съ золотомъ, которымъ бѣгущій моетъ руки и голову: это черты несомнѣнно доказывающія, что Вила въ этой сказкѣ есть Яга. Такимъ образомъ изъ этой и вышеприведенныхъ сказокъ видно, что у Яги есть сынъ, чудесный конь и золотоволосая или, просто, прекрасная дочь, не единственная, но затемняющая своихъ сестеръ. Разсмотрѣнныя нами сказки не говорятъ намъ о бракѣ Яги, но этотъ миѳъ предполагается ими. Здѣсь одна изъ наиболѣе замѣтныхъ точекъ соприкосновенія Яги съ соотвѣтсвующими божествами, Греческимъ и Индійскимъ. Сказаній объ этихъ послѣднихъ мы коснемся лишь

---

[203] Худяковъ, Матер. для изуч. Нар. Слов. 37.

вскользь, а за доказательствами приводимыхъ положеній отсылаемъ къ статьѣ Куна «Saranyû — Ἐρινύς.»[204]

Изъ извѣстныхъ намъ Славянскихъ образовъ воздушной воды Яга есть образъ, найболѣе развитый и найболѣе принявшій въ себя нравственныхъ стихій. Яга найболѣе подходитъ къ тому олицетворенію воды, на которое указываютъ Рождественскіе обряды. Дополняя сказочныя данныя о Ягѣ свѣдѣтельствами обрядовъ о водѣ, мы видимъ слѣдующее. Первоначально Яга не есть ни зима, ни смерть, а туча, при томъ бурная, судя по стуку и грому, сопровождающему ея поѣздки. Только изъ представленія дождевой тучи могли развиться отношенія Яги къ плодородію земли (ср. Рождеств. обр. оранье плугомъ), браку (ср. Рождеств. обр., тождество съ Покровою, лиса-сваха), рожденію. Но уже отношеніе къ рожденію, а еще вѣроятнѣе къ хозяйству, добродѣтели и пороку, могутъ имѣть другое основаніе. За тучею — обитель душъ: туда идутъ души, оставляя тѣла, оттуда сходятъ онѣ на землю, какъ души людей, растеній, животныхъ (Mannh. Myth. 767 и слѣд.); тамъ онѣ составляютъ хозяйство богини, которая, такимъ образомъ, становится подательницею и жизни и смерти. Послѣдняя черта усиливается отъ противоположности временъ года: двойственность тучи, лѣтомъ оплодотворяющей землю, зимою скрывающей дождь, выразилась въ двойственности наружности и характера Гольды, то ласковой и прекрасной, то безобразной и жестокой; въ Бертѣ, а еще болѣе въ Ягѣ, рѣшительно преобладаютъ суровыя черты. Вѣроятно, уже подъ холоднымъ Европейскимъ небомъ Яга стала зимою и пожирающей смертью, сложила съ себя свой лѣтній образъ и передала его своимъ дочерямъ (ср. кипучее молоко Бабиныхъ кобылъ, т. е., дождь).

Подобное сочетаніе представленій есть и въ Греческой Деметрѣ. Она тоже есть первоначально туча, а не земля; связь ее съ водяными Нимфами и Данаидами, источниками, несомнѣнна. За тѣмъ она богиня пастбищъ и стадъ, подательница плуга и зерноваго хлѣба, рода земли и плодородія женъ, покровительница брака и воспитанія дѣтей. О связи Деметры съ подземнымъ мі-

---

[204] Zeitschr. für vergl. Sprachforsch. I, 439 и слѣд.

ромъ говоритъ ея эпитетъ χθονία и первоначальное тождество съ дочерьею Персефоною, Царицею подземнаго міра, и Эринніями. Ей приносились жертвы при похоронахъ. Въ Аѳинахъ умершіе назывались Δημήτριοι, что указываетъ на пребываніе ихъ у Деметры. Двойственность характера и наружности видна въ отличіи Деметры, принявшей образъ Эриннiи, Деметры скорбной и гнѣвной, въ черномъ платьѣ (Δ. μελαινα), съ разорваннымъ покрываломъ, распущенными волосами, съ факеломъ ищущей похищенной дочери, и Деметры примиренной, снова ниспосылающей земные плоды. Такъ и Персефона, какъ супруга Аида и предводительница Эринній, есть богиня мрачная и жестокая; но когда, увѣнчанная цвѣтами, колосьями и виноградомъ, изъ подземныхъ жилищъ возвращается на Олимпъ и становится спутницею матери, — она снова свѣжа и прекрасна. Эриннiи тоже не только страшныя мстительницы за преступленія, но и подательницы плодородія земли и женъ. Имъ молились дѣти и новобрачные, что служитъ однимъ изъ доказательствъ ихъ первоначальнаго тожества съ Деметрою, вполнѣ примиримаго съ тѣмъ, что потомъ онѣ, какъ самостоятельныя лица, являются ея спутницами. [205]

Такое сходство Яги и Деметры можно бы объяснять психологическимъ сходствомъ народовъ, если бы слѣдующій миѳъ не доказывалъ историческаго сродства этихъ божествъ. Разъ, въ то время, когда Деметра искала своей дочери, Посейдонъ послѣдовалъ за нею, чтобы насладиться ея любовью; она оборотилась кобылою и вмѣшалась въ табунъ Онкоса, миѳическаго князя той стороны. Посейдонъ, замѣтивши обманъ, самъ оборотился жеребцомъ. Отъ этого брака съ Посейдономъ Деметра родила дочь и коня Арейона. Въ связи съ этѣмъ превращеніемъ Деметры въ кобылу, истинный смыслъ коего тотъ, что она нѣкогда имѣла животный только, а не человѣческій, образъ, была статуя Деметры съ кобыльей головою.

Кунъ сближаетъ этотъ миѳъ съ Индійскимъ о бракѣ Вивасвата, оборотившагося жеребцомъ, и Саранью, бѣгущей отъ

---

[205] Preller, Gr. Myth. I.

него въ видѣ кобылы. Изъ такого сближенія онъ выводитъ: а) Посейдонъ есть еще не морской богъ, а небесный, тождественный съ Зевсомъ, соотвѣтствующій Савитару, владыкѣ женъ (gnâspati), солнцу или небу, скрытому за тучами. б) Ἐριννύς есть и въ этимологич. отношеніи Скр. Саранjу́с, быстрая, бурная туча, кобылою бѣгущая по небу. в) Дочь Деметры отъ Посейдона есть, не смотря на противорѣчіе нѣкоторыхъ свѣдѣтельствъ, одно лицо съ другою ея дочерью, Персефоною, которая, подобно первой, носитъ имя Δέσποινα. Δέσποινα есть Скр. dâsapatnî, супруга врага. Этотъ врагъ есть змѣй (Аги, Вртра), мракъ, покрывающій небо; его жены рабыни—это скрываемыя имъ небесныя воды. Такимъ образомъ объясняется похищеніе Аидомъ (соотвѣтствующимъ змѣю) Персефоны (дождевой воды) и пребываніе ея у него въ теченіе четырехъ, или шести, зимнихъ мѣсяцевъ, а въ остальное время на Олимпѣ, среди свѣтлыхъ боговъ. г) Значеніе коня Арейона, который, подобно чудеснымъ конямъ нашихъ сказокъ, служитъ богатырямъ Гераклу и Адрасту, объясняется сближеніемъ Деметры и Горгоны. Γοργώ, судя по этимологическому значенію (по Куну, быстрая, страшная, ревущая, т. е., туча) и по сходству съ Эриніями, есть первоначально одно съ Деметрою. Горго Медуса имѣетъ отъ Посейдона двоихъ дѣтей, Хрисаора (золотой мечъ, молнію) и крылатаго коня Пегаса, который, по Гезіоду, носилъ Зевсу перуны, стало быть, тоже имѣетъ отношеніе къ молніи и только въ послѣдствіи становится конемъ музъ. Въ Индійскомъ миѳѣ отъ коня Вивасвата и Саранью рождаются, между прочимъ, близнецы Аçвины, Агни (огонь, молнія) и Индра (свѣтлое небо). Сначала они представлялись конями, потомъ всадниками. Сродство между молніею и свѣтлымъ небомъ подтверждается и Слав. (Чешск.) повѣрьемъ, что молнія есть блескъ неба, свѣтлаго пространства подъ тучами, видный въ щель тучи: «blesk jest toliko po otevření nebe».

Такимъ образомъ вѣроятно, что и конь нашихъ сказокъ («золотая шерстинка и серебряная шерстинка», или «изъ ушей дымъ столбомъ, изъ ноздрей пламя пышетъ») есть молнія. Враждебное отношеніе къ нему матери Яги, равно какъ и враждебное отношеніе Яги къ дочерямъ, объясняется сравнительно позднимъ усиленіемъ въ Ягѣ значенія зимы и смерти.

12. При томъ порядкѣ, которому мы до сихъ поръ слѣдовали, начавши изслѣдованіе съ отношенія Яги къ дѣтскимъ зубамъ, не нашлось мѣста слѣдующимъ сближеніямъ:

Яга и жаба, черепаха, ракъ. Жаба представлялась зубатою: «жаба.., що подъ берегомъ сидѣла, зубомъ скреготѣла»; [206] «Ивану Царевичу принесла стрѣлу изъ болота лягушка въ зубахъ»; [207] «кодъ мале дѣце не валя жабу споминати (какъ вообще опасно называть по имени, безъ оговорки, враждебныя существа, на прим., волка, чуму, лихорадку; жабы не поминать при дѣтяхъ, по тому что жаба—дѣтская болѣзнь, а можетъ быть, какъ ворона и др., и дѣтская смерть); аколи би ко є не хотице споменуо, онда дѣте потегну за ухо, цвокнувши уснама, а ономе, кои є споменуо, рекне се: «Одгризла ти уши!» [208] На то же представленіе указываютъ Стар.-Чеш. zabka, садовой ножъ, и Великор. (Уральск.) жáбри, зазубрины на вилкахъ остроги, или на крючкѣ уды. Слова: жаба и жабри, согласно съ такимъ взглядомъ, должны быть отнесены къ тому же корню джабh, джамбh, къ которому относятъ и Славян. ѕжбъ, гжба (въ смыслѣ ротъ, пасть), зобать. Во всемъ этомъ видимъ или одну изъ причинъ, или слѣдствіе сближенія жабы съ зубатою Ягою. Слѣды миѳическаго значенія жабы видны въ слѣдующемъ: «бабурача (ср. баба), велика крастава, бугаста (сѣрая) жаба, коя не живи у води, него на суху по ямама. Гдѣкои кажу, да те ономе умрiети мати, кои убiе бабурачу; аколи би єе ко нехотице убiо, онъ валя да плюне на ню, рекавши: «Пи! твоя мати прiе умрла, него моя!» [209] Очевидно, что эта жаба есть священное существо, если убійство ея наказывается такъ жестоко. «Ватрена жаба, по барама мала жаба, коя има по трбуху шаре врло жуте. Говори се, да ови жабе не валя убiяти, еръ веле, да би кутя изгорѣла ономе, кои би єе убiо». [210] Отношеніе къ огню не есть доказательство отсут-

---

[206] Żeg. Pauli, Pieśn. ludu Rusk. I, 74.

[207] Аѳан. Ск. II, 59.

[208] Карадж. Рѣчн.

[209] Карадж. Серб. Рѣчн. Бабур.

[210] Тамъ же. Жаба.

ствія связи этой жабы и Яги, по тому что оскорбленіе аиста тоже наказывается пожаромъ, а между тѣмъ эта птица несомнѣнно посвящена Гольдѣ. Въ сказкахъ изъ разряда вышеприведенныхъ о дѣвицѣ и Ягѣ, гонимая мачихою падчерица нанимается къ Ягѣ. Яга задаетъ ей баню человѣческими костьми истопить, рѣшетомъ воды наносить, потомъ приказываетъ: «Возьми моихъ дѣтей, попарь!» А эти дѣти, т. е., души,—«лягушки, тараканы, казюли», или «червяки, лягушки, крысы и всякія насѣкомыя». [211]

Яснѣе Нѣмецкія свидѣтельства. а) Согласно съ Русскими сказками, по которымъ лягушки—дѣти Яги, жены Эльбовъ и сродныхъ съ ними существъ, имѣющихъ отношеніе къ Гольдѣ-Бертѣ, т. е., душъ, являются людямъ въ видѣ беременной жабы. Въ извѣстные дни грѣшно убивать жабъ и лягушекъ, по тому что это души умершихъ. [212] б) Извѣстно, что Гольда наказываетъ за пряденье въ теченіе двѣнадцати святыхъ ночей (zwölften). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Германіи есть повѣрье, что кто прядетъ въ это время, «der Spinne die Kröten ins Haus». Вмѣсто Holle, въ другихъ мѣстахъ Hexe, Hâksche, насылаетъ за пряденье жабъ. Въ земляхъ нѣкогда Славянскихъ за такой же грѣхъ насылаетъ жабъ, мышей и крысъ Murrane, т. е., по всей вѣроятности, Морена-Яга. [213] Сама Нѣмецкая богиня, соотвѣтствующая Ягѣ, названа жабою (Frau Kröte) въ слѣдующемъ недвусмысленномъ повѣрьи: Говорятъ, что въ роду Ангальтскихъ Князей сохраняется перстень, подарокъ жабы (der Frau Kröte), которая, даривши, сказала, что до тѣхъ поръ счастье не оставитъ этого дома, пока въ немъ будетъ храниться этотъ перстень. При этомъ она вмѣнила въ условіе, чтобы наканунѣ Рождества не горѣло въ Ангальтскомъ замкѣ ни огня, ни свѣчи. [214] Все это бросаетъ свѣтъ на сказку о Царевнѣ лягушкѣ и сродныя съ нею.

A. Grimm, März. I, 344, № 63. Царь обѣщаетъ дать царство тому изъ трехъ сыновей, который добудетъ самый лучшій

---

[211] Эрленвейна Нар. ск. 44; Худякова Великорусс. ск. 50.

[212] Kuhn и Schwartz, Nordd. Sag. 323; Wolf, Beitr. II, 315—316; Mannh. Myth. 723.

[213] Kuhn ib. 410, 416.

[214] Тамъ же, 468.

коверъ, самый лучшій перстень, самую красную невѣсту. Каждый разъ онъ пускаетъ на вѣтеръ три пера: куда вѣтеръ ихъ понесетъ, въ ту сторону Царевичамъ ѣхать. Меньшой Царевичъ—дуракъ видитъ подъемную дверь на томъ мѣстѣ, гдѣ упало его перо, входитъ въ подземелье—одинъ изъ образовъ заоблачнаго царства Гольды и душъ. Тамъ сидитъ большая, толстая жаба, окруженная меленькими жабками. Въ первый разъ она приказываетъ одной изъ жабокъ принести Царевичу коверъ невиданной красоты, въ другой—перстень, въ третій велитъ посадить одну изъ жабокъ въ выдолбленную рѣку, запряженную шестью мышами. Жабка превращается въ ненаглядную красавицу, рѣка и мыши—въ карету и лошадей. Царство остается за меньшимъ Царевичемъ. Старшіе, недовольные этѣмъ, уговариваютъ отца отдать царство тому, чья невѣста проскочитъ сквозь кольцо, висѣвшее у потолка залы. Ихъ невѣсты при этомъ ломаютъ себѣ руки, ноги, а невѣста меньшаго прыгаетъ, какъ серна.

Б. Въ Русскихъ сказкахъ (Аѳ. II, 58, 63, 162), къ которымъ прибавимъ Польскую (Боричев. I, 97), приведенная Нѣмецкая составляетъ только первую половину. Царь говоритъ сыновьямъ бросить «жребій о дѣвицѣ», пустить по стрѣлѣ и жениться на той, которая стрѣлу принесетъ. Младшему приноситъ стрѣлу лягушка. Царь хочетъ посмотрѣть отъ невѣстокъ дары: рубашку, коверъ, хлѣбъ. Лягушка каждый разъ ночью сбрасываетъ кожухъ, становится дѣвицей. По ея слову «нянька-мамка», или буйные вѣтры приносятъ изъ ея царства, что нужно. Ея дары лучше всѣхъ. Тогда Царь приглашаетъ сыновей съ женами на пиръ. За столомъ Царевна лягушка «огложетъ костку—да въ рукавъ, выпьетъ чего—остатки въ другой рукавъ». Потомъ стали плясать это понятнѣе прыганья сквозь обручъ въ Нѣмецкой сказкѣ. Царевна лягушка плясала всѣмъ на диво: махнула правой рукой—стали лѣса и воды; махнула лѣвой—стали летать разны птицы»; или: «махнула однимъ рукавомъ—на аршинъ высоты стала вода; махнула другимъ—поплыли гуси-лебеди по водѣ». Другія снохи хотятъ подражать ей и здѣсь, какъ и въ прежнихъ урокахъ, но у нихъ не то выходитъ: которая рукой ни махнетъ—людей водою обрызжетъ, костьми—чуть глазъ не повыбиваетъ. Въ варіантѣ Боричевскаго важно слѣдующее: жаба-Королевна, отправляя мужа на пиръ впе-

редъ, говоритъ: «Когда станетъ накрапать дождь, скажи: «Моя жена умывается дождевою росою»; когда блеснетъ молнія, скажи: «Моя жена начинаетъ одѣваться», а когда загремитъ громъ — «Вотъ и жена моя ѣдетъ!» Уже изъ чудесной пляски видно, что Царевна-лягушка не изъ мелкихъ миѳическихъ существъ; мѣсто же Польской сказки, указывая на связь ея съ дождемъ, молніею, громомъ, слѣдовательно, съ тучею, даетъ новое основаніе думать, что наша сказка есть одна изъ формъ миѳа о бракѣ Бабиной дочери.

Какъ вода, очень обыкновенный пѣсенный символъ жены, невѣсты, есть въ настоящее время не болѣе, какъ неясное сравненіе, но предполагаетъ существованіе миѳовъ о водѣ-невѣстѣ, дѣйствительное представленіе воды невѣстою и женою, такъ безвредное для Христіянства, сравненіе дѣвицы-невѣсты съ тучею основано на томъ же миѳѣ о бракѣ тучи, который видится намъ въ сказкѣ о Царевнѣ-лягушкѣ. Пѣсни, которыя мы имѣемъ въ виду, стоятъ того, чтобъ привести ихъ вполнѣ:

Въ славномъ селѣ, въ багатомъ дворѣ,
Тамъ пьютъ молодцѝ все добрный
Миже ними есть кгрешный молодець,
Кгрешный молодець, N хлопець.
Послае вонъ вйрь явôрь за дѣвку.
Вона до ёго все листы пише:
«Кгрешный молодче, не томи коней,
«Не томи коней, не турбуй людей!
«Тамъ я до тебе сама прибуду.»
Полемъ ишла, якъ чорна хмара,
Въ село ввôйшла, якъ дробенъ дощикъ,
У сѣни ввôшла, якъ зоразый шла,
До хаты ввôйшла, якъ паняночка.
Ёго ненька ажъ ся зъумила:
«Що мнѣ Бôгъ давъ за паняночку,
«За паняночку, за невѣсточку!
«По воду пôшла—вина принесла,
«По вôгонь пôшла—злота принесла.» [21]

Какъ въ другихъ колядкахъ людей славятъ, сравнивая ихъ съ богами (съ солнцемъ, мѣсяцемъ, звѣздами), такъ и здѣсь греш-

---

[215] Основа, Декабрь, 1861. Свидницк. Великдень у Подол. 55. Ср. «Ой куды ты, доню, йшла, Що ти мене тутъ найшла? Чи чорною хмарою, чи дробненькимъ дощикомъ, Чи тихою водою?» Метл. 277.

наго молодца величаютъ тѣмъ, что его, вѣроятно, будущая невѣста съ родни сказочной Царевнѣ, по полю идетъ хмарою и по селу дождемъ, въ хату входитъ зорею. Что до предпослѣдняго стиха, то хотя, по Нѣмецкимъ извѣстіямъ, обращеніе воды въ вино, въ ночь подъ Рождество, слѣдуетъ приписать богу Фро, [216] однако вино это, безъ сомнѣнія, сходно съ живою водою, которая, какъ мы видѣли, добывается на островѣ Царь-дѣвицы-Бабиной дочери и замѣняетъ кипучее молоко морскихъ кобылъ — дождь. По этому естественно, что невѣста-туча превращаетъ воду въ вино. Допустивши разъ, что невѣста въ колядкѣ есть миѳическое лице, мы рѣшаемся замѣнить непонятное вйрь явôръ въ 5-мъ стихѣ черезъ въ ирья (родит. п. вмѣсто обыкновеннаго винит. именит, какъ, на пр., въ выраженіи: купить за шага, вм. за шагъ) или у вйрій: молодецъ посылаетъ по невѣсту въ вйрей, на небо, куда на зиму улетаютъ птицы.

Другая пѣсня—свадебное величанье невѣстѣ:

Заря-зорюшка Наталья,
Заря бѣлая, Ивановна,
Обошла городъ зарею,
Пришла ко двору тучою,
Вдарила въ ворота грозою,
Пустила силёнъ дождь по двору,
А сама плыла утёною,
На терёмъ взошла дѣвицей,
Махнула рукавомъ по столу...

Тутъ мы, за взмахомъ рукава, ожидали такихъ чудесъ, какъ въ сказкѣ, но совершенно напрасно:

«Вы раздайтеся, Бояре,
Разступитеся, большіе!
Вы послушайте, Бояре,
Чѣмъ меня батюшка даруетъ:
Даруетъ батюшка городомъ,
Широкимъ дворомъ съ теремомъ,
Со косящетымъ со окномъ,
Еще ли вѣковымъ другомъ,
Молодымъ Княземъ Ѳедоромъ». [217]

---

[216] Wolf, Beitr. II, 124.

[217] Русск. Бес. 1861. 2. Кохановская, Остатки Боярскихъ пѣсенъ, стр. 135. «Она видимо Княжна УдѣльныхъКняжествъ». Этого, съ одной стороны, мало,

Царевичъ приходитъ съ пира домой раньше жены, и, чтобъ она опять не оборотилась лягушкою, сожигаетъ ея кожурину. Условіе не исполнено. Жена, воротившись, говоритъ: «Не могъ потерпѣть малое время, теперь ищи въ тридесятомъ царствѣ, въ подсолнечномъ государствѣ», и исчезаетъ. Царевичъ идетъ искать, заходитъ на пути, по очереди, къ тремъ сестрамъ, Бабамъ-Ягамъ (Это позднѣйшее растроеніе одного лица). Царевна (Елена Прекрасная, или Василиса Премудрая) каждый день прилетаетъ къ Бабѣ-Ягѣ, или живетъ у нея. По совѣту Яги, Царевичъ тихонько схватываетъ свою жену за голову, она стала оборачиваться лягушкою, жабою, змѣею, наконецъ оборотилась стрѣлою. Онъ переломилъ стрѣлу на двое, и передъ нимъ очутилась жена. Точного смысла этѣхъ превращеній не знаемъ. Вѣрно только, что они составляютъ одно изъ препятствій, которыя должны быть побѣждены мужемъ, отъ котораго жена бѣжитъ, какъ Саранью отъ Вивасвата, какъ жены Эльбы отъ своихъ мужей. Животныя и вещи, на пр., веретено съ золотою пряжею, которыми оборачивается Царевна, находятся съ нею въ такомъ же сродствѣ, какъ лебеди, или голуби, съ Валкиріями и Вилами.

Другой Русскій варіянтъ не оставляетъ сомнѣнія въ тождествѣ лягушки и Бабиной дочери. Когда Царевна лягушка почуяла запахъ брошенной въ печь кожуринки, осерчала и говоритъ: «Ну, Иванъ Царевичъ, ищи же меня въ седьмомъ царствѣ, желѣзные сапоги сноси, три желѣзныхъ просфоры сгложи!» Иванъ Царевичъ пошелъ искать, сапоги сносилъ, просфоры сглодалъ, съ голоду хотѣлъ было съѣсть щуку, медвѣдя, соколиху, но, по просьбѣ ихъ, пощадилъ—черта изъ сказокъ о Ягѣ. Приходитъ къ Старуш-

---

по тому что она, пускающая спльный дождь по двору, болѣе чѣмъ Княжна, а съ другой — много, по тому что (т. е., та, къ которой обращена пѣсня) она не есть, а только величается Княжною. Конечно, кто сложилъ эту пѣсню тотъ слыхалъ про Княжескіе порядки; но если изъ этой пѣсни выведемъ, что она непремѣнно сложена Княжнами, или про Княженъ, или для Княженъ, то значитъ и большая часть сказокъ сложена Царями и Царевичами. Третья, не менѣе замѣчательная пѣсня, тамъ же 141:

Бурею Наталья свѣтъ всѣ лѣса прошла.
...Крыла лѣса алымъ бархатомъ (Ср. заря—Наталья и пр.

кѣ (Ягѣ), лягушиной матери, узнаетъ отъ нея, что жена его хочетъ извести, и что любовь ея далеко запрятана, на островѣ, какъ тѣ призываемыя въ заговорахъ тоски любовныя, что на морѣ океанѣ, на островѣ Буянѣ, подъ бѣлымъ камнемъ. Щука настилаетъ ему мостъ до острова, медвѣдь раскалываетъ камень, соколиха хватаетъ вылетѣвшую изъ камня утку, онъ вынимаетъ изъ утки яичко. Мать печетъ изъ этого яйца пышку, даетъ ее съѣсть Царевнѣ лягушкѣ, и отъ того ненависть ея къ Ивану Царевичу превращается въ любовь.

В. Въ Сербской сказкѣ (Худяк. Матеріялы для изуч. Нар. Слов. 22), вмѣсто лягушки, черепаха. Стрѣла меньшаго Царевича падаетъ на плиту, изъ подъ которой выходитъ черепаха. Царевичъ принужденъ на ней жениться, подстерегаетъ, что его черепаха безъ него оборачивается дѣвицей и хозяйничаетъ въ домѣ, рубитъ ея черепки. Дѣвица становится его женою и, какъ во многихъ другихъ подобныхъ сказкахъ, запрещаетъ ему спрашивать о происхожденіи. Впрочемъ, о слѣдствіяхъ этого запрещенія сказка не говоритъ.

На пиру у Царя оказывается, что жена младшаго Царевича лучше старшихъ снохъ. Изъ зависти снохи наговариваютъ Царю что молодшій Царевичъ владѣетъ чудесными силами. Царь задаетъ Царевичу разъ принести неистощимый горшокъ меду, другой такой же гроздъ, третій человѣчка съ палецъ, съ бородою вдвое длиннѣе. Каждый разъ Царевичъ, по совѣту жены, идетъ къ той каменной доскѣ, изъ подъ которой она вышла, стучитъ—выходитъ Баба. Царевичъ говоритъ: «Послала ме Карандада дада си, да ми дадешъ» то, или другое. Горшокъ съ медомъ стоитъ у Бабы за дверьми, гроздъ виситъ на грядкѣ, ящикъ съ человѣчкомъ подъ огнищемъ. Царь открываетъ этотъ ящикъ, выскакиваетъ мужичокъ и убиваетъ его до смерти. Отношеніе Бабы къ дѣвицѣ черепахѣ такое же, какъ въ Нѣмецкой сказкѣ старой жабы къ невѣстѣ-лягушкѣ. Мы видѣли уже, что неистощимый боченокъ вина харнится у Яги. Въ Сербской сказкѣ ему соотвѣтствуетъ медъ и гроздъ, стало быть, Баба есть Яга, въ царствѣ (избушкѣ,

---

[218] Зап. о Ю. Р. II. 34.

подземельи) коей источникъ всякаго земнаго изобилія. Это царство есть вмѣстѣ обитель душъ безсмертныхъ, и по тому «старшихъ лѣса», представляемыхъ длиннобородыми старичками. Выше уже упомянуто, что мужичокъ съ ноготокъ въ сказкахъ замѣняетъ Ягу, какъ замѣняютъ ее и другія формы душъ. Понятно, значитъ, что мужичокъ съ ноготокъ добывается тамъ, гдѣ медъ и вино, но довольно странно, что этотъ мужичокъ играетъ здѣсь роль самобьющей палки, которая, по происхожденію, относится совсѣмъ къ другому кругу.[219]

Г. Въ Нѣмецкой скаскѣ. (Gr. März. I, 1 и слѣд.; III. 1 и слѣд.) вмѣсто лягушки-невѣсты — лягушка-женихъ (der Froschkönig), и въ Великорусской, записанной въ Пензенской Губерніи, и Малорусской (Nowosielski, Lud Ukraiński. Wilno, 1857, I, 293 и слѣд.) ракъ — женихъ: У старика со старухой не было дѣтей. Разъ старикъ поймалъ рака такого большаго, что на силу донесъ, (По Малорусскому варіянту старуха рожаетъ рака). Старуха хотѣла было сварить, но ракъ отпросился и влезъ подъ печку. Въ отсутствіе стариковъ ракъ за нихъ хозяйничаетъ, какъ черепаха въ предыдущей сказкѣ. Черезъ сколько-то дней ракъ посылаетъ старика сватать меньшую Царевну. Царь соглашается, если ракъ за ночь построитъ палаты лучше Царскихъ, потомъ отъ этѣхъ палатъ до Царскихъ золотой мость съ золотыми яблоньками по сторонамъ. По Малорусскому варіянту ракъ свиснулъ, такъ что за сто миль было слышно, и сползлись къ нему змѣи, лягушки, жабы, раки и всякіе гады, и выстроили ему хоромы и мостъ-золотая мостина, серебряная мостина. Царь видитъ, что такова судьба дочери, и выдаетъ ее. По ночамъ ракъ скидаетъ скорлупу и становится красавцемъ. Свекровь, или сама жена, сжигаетъ его кожу, и онъ умираетъ, чѣмъ кончается Малорусская сказка, или въ гнѣвѣ исчезаетъ, сказавши, что жена не найдетъ его, пока не сноситъ 3 паръ желѣзныхъ котовъ, 3 желѣзныхъ палицъ и не сгложетъ 3 желѣзныхъ просфиръ. Царевна идетъ его искать. Приходитъ къ одной сестрѣ рака. Послѣ обычнаго привѣтствія (фу! Русскаго духу было слыхомъ не слыхать и пр. Отъ дѣла летаешь, али дѣла пытаешь?), сестра эта даетъ ей клубочекъ, ко-

[219] Kuhn, die Herabkunft d. F. 227.

торый ведетъ ее къ другой, другая такъ же провожаетъ къ 3-й. Ракъ живетъ съ матерью. Окъ теперь спитъ, но такъ сердитъ на жену, что когда проснется и увидитъ ее, то разорветъ на клочки. Ракова сестра даетъ Царевнѣ хлѣба, бросить собакамъ, чтобъ допустили къ тому дому, гдѣ ракъ жилъ; мать смягчила его гнѣвъ. Онъ простилъ жену: «Теперь, говоритъ, мое время быть ракомъ прошло, могу ити на Русь.»[220]

Не смотря на большое сходство этой сказки съ выше приведенными, не рѣшаемся признать рака за женскую половину Царевны лягушки, за тождественное съ нею лицо, имѣя въ виду, что въ нѣкоторыхъ изъ приведенныхъ въ примѣчаніи варіянтовъ можетъ скрываться другой, не совсѣмъ ясный для насъ, миѳъ. Мы знаемъ о родствѣ Яги и Змѣя, но не встрѣчали замѣны ея дочери, которую мы видимъ въ Царевнѣ лягушкѣ, Змѣемъ; между тѣмъ въ Сербской пѣснѣ Змѣя (мужескаго пола), соотвѣтствующая раку, есть Змѣй:

Ніе ово змія краосица,
Но є ово огнянити змаю,
На нега су до три обилежа:
Вуча шапа и орлуя панджа,
Изъ зубихъ му живи огань скаче
... И мене є нотясъ говоріо,
Да тє сутра летѣть подъ облаке.

(Карадж. Пѣсм. II, 63).

Тѣмъ не менѣе вѣроятно, что Яга находится въ родственныхъ отношеніяхъ и къ раку. Основаніе связи можетъ и здѣсь заключаться въ томъ, что какъ Яга зубата, такъ и ракъ, хотя не зубатъ, такъ съ клещами, ножницами. Кажется вѣрно, что ракъ названъ именно по этому признаку. Бенфей объясняетъ Скр. карканіа, ракъ, изъ усиленной Ф. глагол. карт, рѣзать: каркарт; Лат. cancer, изъ той Ф. съ н вмѣсто р въ 1 сл. (какъ чанчур изъ чар, чанчал изъ чал. Кстати: чучело=Скр. чанчала, нѣчто очень подвижное (можетъ быть, пугало на птицы),

---

[220] Вм. рака женихъ ужъ въ слѣд. Зап. о Ю. Р. II, 14; ср. Grimm, März. III, 1; Škult. a Dobš. Slov. Pov. 56, и Кар. Прип. 68; Кар. тамъ же 63; и Срб. песм. II, 51—63; ср. Nowosiel. Lud. Ukr. I, 256.

чучаръ (Ряз.), игра въ жмурки, отъ чар, собственно бѣготня туда и сюда); χαρκ-ίνος, отъ сокращенной формы съ удвоеніемъ, какъ и Скр. карки, ракъ (Orient u. Occid. Zweit. Jahr 1865, 384). Слав. ракъ и по мнѣнію Гильфердинга есть Славянская форма Санскритскаго карк-а-с, съ опущеніемъ начальнаго к и со Слав. перестановкою ор въ ра передъ согласною. Такимъ образомъ ракъ значитъ собств «сильно рѣжущій», т. е., снабженный клещами.

Пчела, какъ видно изъ предыдущаго, принаддежитъ къ тѣмъ животнымъ, которыя помогаютъ исполнять задачи Бабы-Яги, или замѣняющихъ ее существъ.[221] На этомъ основаніи мы думаемъ, что пчела, подобно нѣкоторымъ другимъ, а можетъ быть всѣмъ насѣкомымъ, принадлежитъ къ хозяйству Яги. Сверхъ того, есть указанія на происхожденіе пчелы изъ воды, т. е., изъ тучи.

У рыбаковъ (на Окѣ?) есть такой обычай. За три дня до 3 Апрѣля, не торгуясь, покупаютъ негодную лошадь, въ три дня стараются откормить ее хлѣбомъ и конопляными жемыхами, въ послѣдній вечеръ вымазываютъ у ней голову медомъ, въ гриву вплетаютъ красныя ленты, спутываютъ ноги, на шею навязываютъ два старыхъ жернова и въ полночь топятъ въ рѣкѣ. Это дѣлается для умилостивленія водяного, который 1 Апрѣля просыпается голоднымъ и сердитымъ.[222] Причину, по которой водяному приносится въ жертву именно лошадь, а не другое животное, видимъ въ томъ, что водяной самъ представлялся нѣкогда конемъ. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что и у Германцевъ водяной (Древ. Nichus, Нов. Nix, Necker) является людямъ въ видѣ сѣраго, или вороного, коня.[223] Одно изъ доказательствъ, что водяные, подобно Посейдону и почти всѣмъ земнымъ и водянымъ богамъ, были когда-то существами воздушными, служитъ ихъ любовь къ пѣнью

---

221 Между прочимъ пчела строитъ изъ воску церковь, или дворецъ (Škult. a Dobš. 268), что ср. съ изв., собранными въ Wolf's Beitr. II, 452 и слѣд.

222 Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 21.

223 Сербая сказка (Карадж. Прип. 192) говоритъ про водяного крылатаго человѣка съ золотыми волосами до земли, который такъ играетъ на длинной свирѣли и трубѣ, что колышатся камни и деревья, и про его сына, крылатаго коня. Сказка темна.

и музыкѣ; пѣнье и игра, какъ выше свистъ, суть представленія вѣтра.[224]

Стихъ Великоросс. пѣсни: «По рѣчушкѣ, по быстренькой рой плыветъ» объясняютъ тѣмъ, что въ старину «пчеловоды топили перваго роя, совершая этѣмъ жертву водяному или домовому (?), на богатство дому и хорошій водъ пчелы.» «Знахари полагаютъ, что всѣ пчелы отроились отъ лошади, заѣженной водянымъ дѣдушкою и брошенной въ болото. Когда рыболовы пустили невода въ это болото, то, вмѣсто рыбы, вытащили улей съ пчелами.»[225] По Малороссійскому разсказу пчелы знахаря втащили часть дохлой кобылы въ улей. Хвостъ кобыли не помѣстился, висѣлъ изъ очка, и казался проходящему мимо струею густой патоки.[226] Значитъ, пчелы дѣлаютъ медъ изъ дохлой кобылы. Въ Сербіи ставятъ въ пасѣкахъ на шестѣ костякъ лошадиной головы, или головы другого какого ни будь большого животнаго.[227] Говорятъ, этотъ обычай ставить въ пасѣкѣ конскую голову есть въ Малороссіи и въ Курской Губерніи. И такъ пчелы: а) имѣютъ отношеніе къ водяному; б) онѣ происходятъ изъ воды, отроились отъ лошади, заѣзженной водянымъ, берутъ медъ съ дохлой кобылы. Но самъ водяной есть конь, а по тому, вѣроятно, что отъ него именно родились пчелы. Связь пчелъ съ Ягою, облачнымъ существомъ, и Скандинавское повѣрье, что пчелы собираютъ медвяную росу, стекающую со священнаго ясена Игрдрачила заставляютъ искать начала пчелъ въ небѣ, а не на землѣ. Согласно съ этѣмъ предполагаемъ, что пчелы родились отъ коня уже въ то время, когда онъ былъ еще небеснымъ, облачнымъ, а не водянымъ, конемъ. Только въ послѣдствіи и конь и рожденіе отъ него перенесены на землю. Мы видимъ въ этомъ повѣрьи три момента: наблюденіе, что насѣко-

---

224 Mannh. Myth. 721; Grimm Myth. 458; Wolf, Beitr. II, 306—308.

225 Русск. Бесѣда, Кохановская. Нѣсколько Русск. пѣсенъ, 82.

226 Сахар. Ск. Русс. Н. 1, 2, 49.

227 Зап. о Ю. Р. II, 44.

228 Карадж. Рѣчн.

мыя роями вылетаютъ изъ падали, перенесеніе этого событія на небо, въ тучу, условленное представленіемъ тучи источникомъ всякой жизни, и низведеніе облачнаго событія въ воду. Безъ втораго момента связь коня и пчелъ съ водою не объяснима. Въ этомъ же второмъ — основаніе, на которомъ мы думаемъ, что пчелы родились не отъ обыкновеннаго жертвеннаго, а отъ миѳическаго, коня, т. е., въ настоящемъ случаѣ отъ коня, бывшаго образомъ тучи.[229] Соотвѣтственный этому процессъ — въ повѣрьи о происхожденіи вредныхъ насѣкомыхъ изъ тѣла убитаго змѣя, существа несомнѣнно облачнаго: «Народъ говоритъ, что такъ называемыя Голубацкія мухи по нѣскольку разъ въ годъ вылетаютъ изъ Голубацкой пещеры густыми роями величиною въ котелъ, потомъ разлетаются и такъ мучатъ животныхъ, что кони и рогатый скотъ отъ нихъ пропадаютъ. Нѣкоторые разсказываютъ, что нѣкогда кто-то гналъ изъ Сербіи Алу (змѣй, гонящій облака и змѣй вообще), ранилъ ее, она скрылась въ Голубацкую пещеру, тамъ издохла, и отъ нея-то роятся этѣ мухи.»[230] Волошское повѣрье о тѣхъ же мухахъ приписываетъ убіеніе змѣя Святому Георгію. Святой бросилъ голову этого змѣя въ Голубацкую пещеру, и изъ гніющаго въ этой головѣ языка роятся ядовитыя мухи.[231] Въ Малороссійской сказкѣ Кирило Кожемяка, убивши змѣя, который жилъ въ Днѣпрѣ, спалилъ его и пустилъ по вѣтру попелъ. Изъ этого попелу развелась эта погань: мошки, комары, мухи.[232]

У Германцевъ водяной выходитъ изъ болота, или моря, и въ видѣ дикаго быка и оплодотворяетъ коровъ.[233] Можетъ быть, это извѣстіе можетъ связать вышеприведенныя съ повѣрьемъ, сохраненнымъ Латинскими писателями, что пчелы зарождаются изъ гніющихъ внутренностей быка. По Виргилію, если переве-

---

229 На небѣ, кромѣ миѳическаго коня, не могло быть ни какого другого; но неизвѣстно, была ли и на небѣ нужна смерть этого коня для рожденія пчелъ.

230 Рѣчн. Голубачка муха.

231 Schott, Walach. March. 285.

232 Зап. о Ю. Р. II, 30.

233 Grimm, Myth. 458; Wolf, Beitr. II, 306—308.

дутся пчелы, слѣдуетъ въ началѣ весны зашить ноздри и ротъ у двухгодовалаго бычка, убить его такъ, чтобъ шкура была цѣла, и положить въ укромномъ мѣстѣ, въ нарочно устроенномъ шалашѣ, окруживши душистымъ зельемъ. Когда солнце согрѣетъ требуху, изъ нея выроятся пчелы Начало этого обычая ведется отъ Аркадскаго пастуха (бога), Аристея, сына Аполлона, и водяной нимфы, Кирены, дочери, или внучки, рѣки Пенея. Потерявши пчелъ, Аристей идетъ въ подводные чертоги своей матери и, по ея совѣту, ловитъ вѣщаго Протея и спрашиваетъ у него о причинѣ своего несчастія. Вина его, по словамъ Протея, въ томъ, что черезъ него Орфей потерялъ Эвридику, которая, убѣгая отъ преслѣдовавшаго ее Аристея, наступила на скрытую въ травѣ змѣю и умерла отъ ея укушенія. Нимфы (Дріяды, или, можетъ быть, рѣчныя?), съ которыми она водила хороводы, отомстили за нее, пославши болѣзнь на Аристеевыхъ пчелъ. По совѣту Кирены, Аристей приноситъ нимфамъ въ жертву 4-хъ быковъ и 4-ре коровы, оставляетъ ихъ въ посвященномъ Нимфамъ лѣсу, потомъ, черезъ 9 дней, совершивши инферіи для примиренія Орфея и Эвридики, возвращается въ этотъ лѣсъ, и видитъ, что изъ внутренностей побитой скотины, прорывая быка, вылетаютъ цѣлые облака пчелъ.[234]

---

[234] Virg. Georg. IV, 281 и слѣд. Ср. Grimm, Myth. 659. Въ основаніи миѳа о происхожденіи пчелы отъ быка, кромѣ упомянутаго выше наблюденія, можетъ лежать сближеніе пчелы съ быкомъ по сходству жужжанія съ ревомъ. Вообще многія насѣкомыя усвояются мыслію Славянъ и Германцевъ посредствомъ сравненія съ большими животными: воломъ, или коровою, оленемъ, конемъ, козою. Къ собранному у Гримма (Myth. 656 и слѣд.) и Мангарта (Mythen 244) прибавимъ слѣдующіе Слав. пчела, Стар. пъчела, бъчела, собств. гудящая, ревущая. Корень — бук, отъ котораго быкъ и букашка = Арх. букарка; Серб. Чеш. букати, ревѣть по бычьи, гудѣть, какъ пчела, или оводъ, какъ птица бугай (Серб. букавацъ, ardea stellaris), какъ пугачъ (Чеш. bukać, ard. stell. и ulula); Польск. bukat, бычекъ, теленокъ; Польск. bąk (ж какъ усиленіе у) птица бугай, оводъ, трутень. Хорут. buk имѣетъ тоже собственное и переносное значеніе, что Сиб. рёвъ, время половыхъ отношеній копытчатыхъ животныхъ, Августъ Ср. сродный кор. буг, откуда: бугай; буцівокъ, годовалый теленокъ; Тамб. бузыкать, о скотѣ: бѣгать отъ жары въ воду (соб. ревѣть); Волог. бызовать, бѣгаться; въ Галиціи мѣсяцъ Іюнь называется Червень, Червець и Кедзень, Быдзень, «що товаръ по пасвищахъ быдзкаеся, кэпт-

Здѣсь нѣтъ той ясной связи пчелы съ водою, которую мы видѣли выше; однако, слѣдуетъ замѣтить, что Нимфы, хотя бы и не водяныя — воздушнаго происхожденія. Самъ Аристей называется и Аполлономъ Номіемъ (Νόμιος), покровителемъ пастбищъ и стадъ, въ слѣдствіе чего онъ сталъ потомъ пастухомъ и Зевсомъ Аристеемъ, который представляется и пчелою — знакъ, что между Аристеемъ, небеснымъ Богомъ, и пчелою есть болѣе внутренняя связь, чѣмъ сколько это видно изъ Виргилія.

ся (Польск, gzi się), кедзъ ю нападае (Вѣнокъ, 244). — Загадка говоритъ, что оводъ «летитъ по птичью, реветъ по бычью» (Сах. Ск. Р. Н. I, 2, 102).

Серб. буба, насѣкомое, особенно вредное. Кор. бу, съ удвоеніемъ. Ср. Лат. bubalus, буйволъ, и Тв. бубище, лугъ, на которомъ обыкновенно пасутся коровы.

Жукъ, съ постояннымъ эпитетомъ черный. Отсюда Польск źuczek, названіе чернаго вола, Костр. жукола, черная корова; непонятно, по чему жуколы — телята, рожденныя въ Февралѣ. Слав. жѫкъ можно сблизить или съ жьг (со значетіемъ огня, потомъ чернаго цвѣта; сравн. жужель (у изъ ъ), пѣна при плавкѣ металловъ (Рус. Польск. Чеш.), Рус. Польс. жужелица, тоже и извѣстное насѣкомое; Тв. жугля, какое ни будь живое существо, Вят. Перм. жужга (удвоеніе корня жьг?), навозный жукъ, Вят. жужгъ червь, поядающій осенью хлѣбъ), или съ Чеш. žukati, жужжать, Серб. зука, жужжанье пчелъ, Рус. зыкъ, крикъ, ревъ, бѣганье скота, жужжанье кусающихъ его оводовъ; зыкаться о коровѣ: требовать быка, зыкать о дѣвушкѣ: вести себя бойко. Послѣднее сближеніе (жукъ отъ жужжанья) сравн. съ Серб. зуяти, жужжать, и зуякъ, навозный жукъ.

Названія: krawka, krówka, и т. п. со значеніемъ навознаго жука, Шпанской мухи, жука вообще; Чеш. koza, хрущъ, Польск. kozka, клыкастый жучокъ, точащій дерево; Рус. козявка, козюлька и т. п.; олень, елень, jelonek, рогатый жукъ — основаны на томъ сближеніи, какое въ отрицательной формѣ находимъ въ загадкѣ: «черенъ да не воронъ, рогатъ да не быкъ, идетъ земли — не деретъ» (Жукъ. Сах. Сказ. Р. Н.; тамъ же 94).

Прыгающія и летающія насѣкомыя, какъ саранча, Шпанская муха, сближаются съ конемъ: кобылка, лошадка, коникъ и т. п.

Вши въ загадкахъ начываются то скотомъ вообще, то конями, козами, свиньями: «Маленьке, костяненьке (гребень) хочъ зъ якого лѣсу скотъ выжене»; «Царь Костянтинъ гонить коней черезъ тынъ»; «Костянъ-деревьянъ черезъ гору свиней гнавъ»; «Игнатко-безпятко зъ горы свиней турить.» (Закр. Старосв. Бандур. 233); «Стоятъ вилы, на вилахъ бочка, на бочкѣ

Щука. О ней извѣстно намъ очень мало. Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ; въ-которой, по одной редакціи (Kuhn, Märkische Sag. 273) всесильная рыба есть именно щука; о дуракѣ, который, «по щучьему велѣнью,» женится на Царевнѣ (ср. Нѣмецкую, Märkiche Sag 270)—не ясны. Еще менѣе ясна шуточная, но имѣющая, вѣроятно, миѳическія основанія, сказка у Аѳанасьева I, 10: «Въ ночь на Ивановъ день родилась щука въ Шекснѣ»: (отъ того рожденья богатырскаго) «вода въ Шекснѣ всколыхалася, шелъ паромъ черезъ рѣку, да чуть не затопился, а красныя дѣвки гуляли по берегу, да всѣ поразсыпались.» Тотъ же мотивъ — землятрясеніе «для ради рожденія богатырскаго» въ Сербской пѣснѣ ознаменовываетъ рожденіе Спасителя (Караджк. Пѣс. I, 135). На отношеніе щуки къ Ягѣ можетъ указывать: а) эпитетъ зубастая, на основаніи коего щука въ загадкѣ есть коса: «Ишла щука зъ Кременьчука, куды гляне, трава вьяне». б) Щука необходимая принадлежность богатой кутьи; безъ щуки — «кутя гирява» (Основа. 1861, Май, Номисъ, Рôздв. Св. 53); въ Германіи на канунѣ Крещенья ѣдятъ рыбу, по приказанію Берты. в) Мары, какъ уже упомянуто, души, и по тому имѣютъ связь съ Гольдой. По Нѣмецкому повѣрью, пойманная Мара проситъ ее отпустить, говоря, что «sie höre ihre Mutter in England (миѳическая страна, соотвѣтствующая вырью) Schweine locken» (Wolf, Beitr. 269). Эта мать — Гольда, а ея свиньи, можетъ быть, именно щуки. Ср. слѣд: Въ Мекленбургѣ есть озеро, которое, какъ говорятъ, стало на мѣстѣ провалившагося города. Окреснымъ жителямъ запрещено (кѣмъ?) ловить тамъ рыбу. Разъ, не смотря на это, рыбаки закинули тамъ вечеромъ неводъ и выта-

---

кивало, на кивалѣ мигало, на мигалѣ островъ (лѣсъ, волоса), на островѣ козы ходятъ.» Муха — волъ: «Подиже се петелева войска (5 пальцевъ), да отера на леду (пѣнка на сливкахъ) говеда (мухъ), кадъ ми біеше у киту вшеница» (т. е., лѣтомъ).

Такъ какъ скотъ есть богатство, то и извѣстныя насѣкомыя имѣютъ тоже значеніе: «У бѣднаго рогатой скотины — тараканъ да жуколица» (Даль, Посл. 53 — 54; «Кто старается выжить изъ избы черныхъ тарakановъ, у того никогда не разведется домашній скотъ» (Самар.); «черные тараканы и прусаки заводятся къ прибыли, къ добру» (Даль, Посл. 53). Можетъ быть, именно по этому въ Пензен. Губерніи говорятъ, что «тараканъ не поганъ» (а сверчокъ поганъ до такой степени, что послѣ мыши (ср. Иск. поганка мышь) только святятъ посуду а послѣ сверчка — бьютъ.

щили огромную щуку. Въ слѣдъ за тѣмъ слышатъ, что подъ водою женскій голосъ скликаетъ свиней. Потомъ мужской спрашиваетъ: «Всѣхъ уже собрала?» — «Девяносто девять есть, а одноглазаго борова нѣту.» И опять послышалось скликанье свиней. Тогда щука выпрыгнула изъ лодки съ крикомъ: «Здѣсь, здѣсь,» и все затихло. [235] Вольфъ, полагаетъ что женскій голосъ принадлежитъ Гольдѣ, Царицѣ всѣхъ животныхъ. г) Въ Великорусской сказкѣ (Худ. III, 49) дѣвушка находитъ у берега щуку и пускаетъ ее въ воду. За это щука награждаетъ дѣвицу тѣмъ, что если заплачетъ, то посыплется у нея изъ глазъ жемчугъ, а если засмѣется, то бриліянты. Такими дарами и надѣляетъ дѣвицу Гольда и сродныя съ нею существа.

Пятница и Яга. Извѣстно, что въ Германскихъ и Романскихъ языкахъ названія почти всѣхъ дней недѣли — миѳическаго происхожденія, тогда какъ у Славянъ названія эти миѳическаго въ себѣ ничего не заключаютъ. Однако, повѣрья, связанныя съ Пятницею и Недѣлею (Воскресеньемъ) и указывающія на отношеніе этихъ дней къ двумъ женскимъ божествамъ, наводятъ на мысль, что полъ Славянскихъ божествъ, коимъ были посвящены дни недѣли, имѣлъ вліяніе на грамматическій родъ новыхъ названій этѣхъ дней. По крайней мѣрѣ, у Германцевъ Понедѣльникъ, Вторникъ и Четверкъ были посвящены мужескимъ божествамъ (мѣсяцу, Zio и Donaru), а Пятница и Недѣля, богинямъ Фреѣ и Солнцу женщинѣ. Впрочемъ, Середа была у Германцевъ посвящена Водану, а въ Русской сказкѣ является женщиною.

Въ народѣ Пятницею называется Св. Параскевія; но, конечно, не важность этой святой и не черты ея жизни, а имя (Пятница), указывавшее на богиню, которой посвящена была Пятница, виною оказываемаго ей почитанія. Въ Сербской пѣснѣ Св. Пятница упоминаетя рядомъ съ Богомъ: «Убіо га Богъ, убила га света Петка Параскевія!» [236] Въ Малороссіи и Сербіи много церквей во имя Св. Пятницы. Терещенко говоритъ: «Въ день Св. Параскевіи, Октября 28, отправляли соборомъ божію службу, клали

---

[235] Wolf, II, 410 и слѣд.

[236] Карадж. Пѣсм. I, 173.

подъ образъ Святой Параскевіи зеленые плоды для освященія и хранили у себя дома до слѣдующаго года. Во многихъ мѣстахъ Малороссіи существовалъ обычай еще въ мое время, водить по деревнямъ женщину, съ распущенными волосами, подъ именемъ Пятницы. Изъ Духовнаго Регламента видно, что во время Петра въ Стародубѣ (Черниговской Губерніи) водили простоволосую женщину, подъ именемъ Пятницы, съ крестнымъ ходомъ, и приносили ей дары. Строили ей часовни на перекресткахъ, и во время скотскаго падежа, моровой язвы, или другаго какого либо бѣдствія, прибѣгали къ ней съ молитвами.»[237] Вожденіе простоволосой жонки есть, конечно, образъ земнаго странствованія богини; такой же смыслъ имѣлъ въ глазахъ народа, вѣроятно, и ходъ съ иконою. «Во время церковныхъ обрядовъ выносили образъ Св. Параскевіи, увѣшанный лентами, монистами, цвѣтами и душистыми травами. Народъ толпой тѣснился лобызать изображеніе, въ надеждѣ избавленія отъ разныхъ недуговъ. Цвѣты и травы, украшавшія образъ, хранились въ церкви; отваръ ихъ давали пить отчаяннымъ больнымъ, какъ вѣрное лѣкарство.[238] Обѣтныя Пятницы извѣстны Южнымъ Славянамъ. Такъ, на пр., въ Славоніи, въ болѣзни, или другой какой нуждѣ, даютъ, между прочимъ, обѣтъ въ извѣстныя Пятницы не чесаться.[239]

Интересно знать, нѣтъ ли гдѣ криницъ, посвященныхъ Св. Пятницѣ. Объ одной криницѣ, въ четырехъ миляхъ отъ Бѣлгорода (Аккермана), говорятъ, такое есть преданіе, быть можетъ заслонившее другое, чисто миѳическое: «Параска, родомъ изъ Польщи, взятая въ полонъ Татарами, попала въ гаремъ Бѣлгородскаго Паши. Не смотря на всѣ его старанія, она оставалась непреклонною. Разъ Паша вошелъ ночью въ ея покой, но Ангелъ сталъ въ ея защитѣ. Паша былъ пораженъ ужасомъ, а Параска, пользуясь этимъ, вышла въ отворенныя двери, миновала стражу и побѣжала вдоль лимана, высматривая лодки. Погоня нагнала ее въ скалахъ: ее хотѣли уже схватить, но она разлилась чистою криницею, которая и слыветъ криницею Параски или Святою криницею. Этой

---

237 Терещ. Б. Р. Н. VI, 59.

238 Тамъ же 58.

239 Ilić, 85—86.

криницѣ приписываютъ чудесноцѣлебную силу, и больные пріѣзжаютъ туда купаться.» [240]

Гораздо яснѣе извѣстія объ отношеніи Пятницы къ домашнимъ работамъ, браку и смерти.

Многіе Волохи, особенно женщины, ставятъ Пятницу выше Воскресенья, и не работаютъ въ этотъ день ни какимъ острымъ орудіемъ, на пр., ни иглою, ни ножницами: [241] обычай, вѣроятно, Славянскій, или, по крайней мѣрѣ, общій со Славянами. Въ Великороссіи (Тамбовской Губерніи) есть повѣрье, что Св. Пятница является въ бѣломъ шушунѣ и наказываетъ женщину, прявшую въ Пятницу тѣмъ, что насыпаетъ ей кострики въ глаза. [242] Въ Воронежской Губерніи въ Пятницу мужчины не пашутъ и женщины не прядутъ: Иначе Св. Параскавія-Пятница наведетъ крѣпкій сонъ, сниметъ черепъ и насыплетъ въ голову пахавшаго земли, а въ голову прявшихъ—кострики. Подобнымъ образомъ Берта наказываетъ не соблюдавшихъ поста въ ея дни. На отношеніе Св. Параскевіи ко лну указываетъ ея народное названіе: 28 Октября Параскевіи льняницы. Съ этого времени начинаютъ мять ленъ. [243] О томъ, что сама Пятница, или сродныя съ нею существа, прядутъ и ткутъ, заключаемъ изъ двухъ слѣдующихъ извѣстій: а) Въ Васильковскомъ Уѣздѣ Кіевской Губерніи разсказываютъ, что «Нѣчки (т. е., ночки), миѳическія женскія существа—ночью, особенно по Пятницамъ, шалятъ въ домахъ. Бабы передъ сномъ прядутъ кудели; если не спрятать кудели, то Ночки выпрядутъ ее всю» [244] б) Разъ подъ Середу молодая баба передъ сномъ стала класть гребень, да не перекрестилась и говоритъ: «Матушка Середа, помоги мнѣ, чтобъ завтра встать пораньше да допрясть!» Утромъ, до свѣту, открыла глаза, видитъ: лучина въ свѣтцѣ горитъ и печка топится; ходитъ по избѣ баба ужь не молодая, накрывшись по кичкѣ бѣлымъ полотенцемъ, ходитъ, дрова въ печку кладетъ, приби-

---

[240] Siemieński, Podania i leg. 44.

[241] Schott, Walach. März.

[242] Аѳан. Легенды 149.

[243] Терещ. Б. Р. Н. VI, 55.

[244] Rulikowski, Opis pow. Wasylkowsk. 167.

раетъ. Подошла къ ней самой, будитъ. «Я, говоритъ, Середа; ты вѣдь Середу звала? Вотъ я тебѣ холсты отпряла, да ужь и выткала, а теперь давай бѣлить ихъ, въ печку становить. Печка затоплена и чугуны готовы, а ты сходи на рѣчку, воды принеси!» Баба взяла ведро, да, вмѣсто того, чтобъ на рѣчку, пошла къ старухѣ сосѣдкѣ посовѣтоваться. «Не хорошо это, говоритъ старуха; она тебя на томъ холстѣ либо удавитъ, либо сваритъ. А ты вотъ что сдѣлай: возьми ведрами стучи, да и кричи передъ избой-то: «На морѣ Серединскія дѣти погорѣли!» Она выскочитъ изъ избы, а ты норови вскочить прежде нее въ избу, дверь запри, да и закрести. Какъ она ни будетъ грозить, просить, не впускай, а крести и мѣломъ и руками! Вотъ нечистыя сила и отступится.» Такъ та и сдѣлала. Середа стучала до тѣхъ поръ, пока пѣтухи запѣли, а тамъ завизжала и пропала, а холсты остались у бабы.»[245] Для объясненія этого разсказа важны слова: «на морѣ Серединскія дѣти погорѣли», которыми баба выманиваетъ Середу изъ избы. Маннгартъ приводитъ многіе варіянты дѣтской пѣсенки, обращенной къ солнышку (Coccinella, Marienkäfer) или Майскому жуку. Этому жучку совѣтуютъ летѣть на небо, въ страну Ангеловъ (Engelland), домой, по тому что этотъ домъ погорѣлъ, его (жучка) мать плачетъ, или его дѣти сгорятъ. Изъ нѣкоторыхъ варіянтовъ видно, что этотъ домъ зажженъ какими-то врагами, которыхъ пѣсни называютъ Турками, Цыганами и Жидами, съ которыми воюетъ отецъ жучка и которые могутъ и его самого заколоть.[246] Изъ многихъ источниковъ извѣстно, что: а) Engelland есть свѣтлая страна за тучею, гдѣ живутъ души, гдѣ царствуетъ Гольда; б) что жучокъ есть одинъ изъ образовъ души и проводникъ душъ; его домъ на небѣ; его мать есть Гольда, или сродная съ нею богиня, Сканд. Фрея, дающая солнечный свѣтъ, дождь, плодородіе. Тамъ, гдѣ рѣчь о дѣтяхъ жучка, онъ есть, быть можетъ, образъ самой богини. Что такое небесный пожаръ, неизвѣстно: Маннгартъ догадывается, что производящіе его враги тѣ демоны или великаны, которые, при наступленіи вечера покрываютъ небо темнотою; одинъ изъ нихъ ве-

---

[245] Худяковъ, Великорусск. сказк. III, 106.

[246] Mannh., Germ. Myth. 347 и слѣд.

ликанъ Abendrot, братъ великана Ecke (Скр. Ahu, змѣй), своимъ именемъ указываетъ на зарево, ввечеру охватывающее небо. Какъ бы то ни было, представленіе извѣстнаго небеснаго явленія пожаромъ есть и у насъ, какъ видно изъ дѣтской пѣсенки:

Донъ, донъ, донъ!
Загорѣлся жучій домъ,
Бѣжитъ жукъ съ ведромъ
Заливать свой домъ. [247]

Въ вышеприведенномъ выраженіи сказки море есть туча, небесная вода, Серединскія дѣти—души, весьма обыкновенно представляемыя дѣтьми властвующей надъ ними богини. Что касается до самой Середы, то, заключая отъ Нѣмецкой Миѳологіи, такое названіе должно быть позднее; у Германцевъ Середа есть день Вуотана—Одина, а не какой либо богини; Середою могла быть замѣнена одна изъ двухъ небесныхъ женъ, имѣющихъ отношеніе къ днямъ Недѣли, т. е., Пятница, или Недѣля. По крайней мѣрѣ, третьей мы не знаемъ. Но лицо, тождественное, какъ предполагаемъ, съ Недѣлею, представляется не пожилою женщиною, а дѣвицею. По этому Середою названа здѣсь скорѣе Пятница.

Пятницу-Параскевію считаютъ покровительницею браковъ и, что очень важно, принимаютъ за одно лицо съ Покровою, которая, какъ мы видѣли, покрываетъ невѣстъ и землю снѣгомъ, и, стало быть, соотвѣтствуетъ не Скандинавской Фреѣ, сестрѣ солнечнаго бога, а сродной съ нею Гольдѣ: «Устарѣлыя дѣвицы молятся Св. Параскевіи»: «Св: мученица Парасковея, подай мнѣ жениха поскорѣе!» [248] «На Покрову дѣвицы, желающія выйти замужъ, обращаются съ просьбою о томъ къ Пятницѣ: «Матушка Пятница Параскева, покрой меня поскорѣе!» [249]

Объ отношеніи Пятницы къ смерти косвенно говоритъ повѣрье: «Женщины считаютъ большимъ грѣхомъ мыкать мычки и прясть пряжу въ Пятницу, изъ уваженія къ усопшимъ ро-

---

[247] Варенцовъ, Сборн. пѣс. Самарскаго края. С.-Петерб. 1862, 22.

[248] Шуйск. Уѣздъ. Этн. сб. V, Смѣсь, 48.

[249] Аѳан. Легенды, 179. Ср. Терещенко, Б. Р. Н, VI, 59—60.

дителямъ, чтобъ не засорить имъ глазъ кострикою», [250] т. е., изъ уваженія къ прядущей богинѣ, во власти коей находятся души умершихъ. Съ этѣмъ сравните: «Въ дни поминовенія усопшихъ крестьянки ничего не шьютъ: кто шьетъ въ эти дни, тотъ колетъ родителямъ (покойникамъ) иглою глаза.» [251] Очень распространенъ обычай стричь ногти по Пятницамъ. Объясняется самимъ народомъ различно: у Чеховъ—чтобъ не болѣли зубы, [252] у насъ—чтобъ не было заусеницъ (Французы прибавляютъ: и чтобъ не случилось несчастья), у Нѣмцевъ-для счастья. [253] Но, можетъ быть, здѣсь есть и отношеніе къ смерти: ихъ обрѣзы ваютъ въ день, посвященный богинѣ мертвыхъ; они нужны на томъ свѣтѣ, какъ видно изъ слѣдующаго: «Суевѣры и Старовѣры или Раскольники, остригая ногти, кладутъ ихъ въ особый мѣшочекъ, приказывая по смерти своей полагать ихъ съ собою въ гробъ, вѣря, что на томъ свѣтѣ спросятъ у нихъ отчета во всякомъ остриженномъ или отдѣленномъ кускѣ ихъ ногтя, и для того Аввакумовскіе ногти носятся задѣланные въ перстняхъ» [254] «Нôгтêвъ не зрѣзують малому (умершему), а то на якусь гору не здеретьця, чи на свято, чи що: бачишъ, нѣчѣмъ бы то буде ухопиться.»[255] «Якъ одъ дитины уже обтинали назюрй, то ихъ кладуть за пазуху, бо на тѣмъ свѣтѣ спитають: «А де твой ногтй?» Хто кидавъ ихъ на землю, и не ховавъ у пазуху, того пошлютъ зберати ихъ. Повѣдають, що на тамтомъ свѣтѣ тре буде драпатися на шкляну гору, и тимъ-то и потрêбнй великй пагностй.» [256] Эта стекляная гора есть небо, рай. [257]

Заключеніе о тождествѣ Пятницы и Яги, выводимое нами изъ того, что какъ та, такъ и другая, имѣетъ связь съ плодоро-

---

250 Нижнедѣвицкій Уѣздъ Воронѣж. Губ., Воронежск. Литер. Сборн. 299.

251 Этнограф. сборн. V, Быть Кур. крестьянъ 82.

252 Houška III, 55.

253 Wolf, Beitr. I, 238.

254 Абевега, 261.

255 Зап. о Ю. Р. II, 288.

256 Шейковскій, Бытъ Подолянъ. II, 24.

257 Mannh., Germ. Myth. во многихъ мѣстахъ.

діемъ, бракомъ, домашними работами, преимущественно женскими, душами усопшихъ и смертью, подтверждается тѣмъ, что Малороссійская сказка замѣняетъ Бабу Ягу Святою Пятйнкою. Какъ въ Малороссійской сказкѣ (Аѳан. VI, 214. Св.) Пятйнка указываетъ Ивану Царевичу путь къ водяному Царю и научаетъ его спрятать сорочку одной изъ 12 Царевенъ уточекъ, такъ въ такихъ же Велироссійскихъ (Аѳан. 226; V, 100)—Яга. Въ Волошской сказкѣ подобную роль играютъ Середа, Пятница и Недѣля (Maica Mencuri, Maica Vinire, Maica Vumineca). Это—черта Славянская, хотя бы по тому, что имя матери не приладится къ Меркурію, тогда какъ Середа — женщина. Въ Словацкой сказка «O vit'azkovi» (Bož. Němc. Slov. pov. 478; ср. Срб. пѣсм. II, 26, Іованъ и дивски стаѣшина) богатырю помогаетъ исполнять трудныя задачи преступной матери Svatá Nedělka.

Недѣля. Въ Святцахъ нѣтъ Святой, которой именемъ могло бы прикрыться языческое представленіе Недѣли (Воскресенья) святою женою, или дѣвицею. О высокомъ почетѣ, которымъ пользуется Недѣля, свидѣтельствуютъ выраженія, въ которыхъ она ставится рядомъ съ Богомъ. Такъ въ Чешск. заговорѣ, обращаясь къ больной скотинѣ, говорится: «Pozdrav tě Bůh, Neděle Svatá i Duch Svatý.»[258] Въ Сербскихъ пѣсняхъ:

Мили Боже и Неделё млада!
Мили Боже, помози свакоме».[259]

Ніе тако, гиздава дѣвойко,
Ніе тако, великогъ мц Бога
И сутрашне младе Недѣлице.»[260]

Выраженіе «млада Неделя» (у Чеховъ болѣе отвлеченно «nová Neděle») объясняется слѣдующимъ: «Свака се недѣля зове света Недѣля, а пошто се мѣсецъ міени (послѣ рожденія мѣсяца), прва се недѣля зове млада Недѣля, у кою жене много коешта врачаю и иду на различне изворе те се купаю; недѣля пакъ прва по Илійну дне зове се (у Боци) Царица Недѣля надъ двана-

---

[258] Houška 540.

[259] Карадж. Пѣсм. I, 138.

[260] Ніе 40, 47, 52.

сетъ Недѣля. У народу се нашему мисли, да е Недѣля некака Света [261]

По Малороссійскому повѣрью «Недѣля, или Пьятница иногда являются тѣмъ, которые работаютъ въ ихъ дни, въ видѣ дѣвицъ неслыханной красоты. Пряхамъ Недѣля говоритъ, что онѣ прядутъ не ленъ, а ея волоса, и указываетъ при этомъ на свою изорванную косу; молотникамъ она показываетъ свое бѣлое тѣло, покрытое синими пятнами, и говоритъ, что это они ее такъ цѣпами калѣчатъ.»[262]

Какъ въ этомъ повѣрьѣ, такъ и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, Недѣля упоминается рядомъ съ Пятницею. Такъ въ Сербской пѣснѣ:

У Павлову светомъ намастиру
Поставлени одъ злата столови;
Сви се свеци редомъ посадили:
На врхъ софре Громовникъ Илiе,
На средъ софре Сава и Марiя,
По дну софре Петка и Недѣля.»[263]

На связь той и другой указываетъ Чешское повѣрье, что какая погода въ Пятницу, такая и въ Недѣлю (откуда пословица: «Jak v pátek, tak v svátek»),[264] а особенно слѣдующее важное извѣстіе: «У народу се нашему говори: «Света Петка Недѣлина майка, а на иконама се налазе гдѣшто ове обадвіе.»[265] Пятница, какъ предполагаемъ, есть Яга-туча; Воскресенье есть день Солнца, въ ДВН. именно день Солнца женщина, Sunnûntac, а по тому возможно, что и Славянская Недѣля есть Солнце: слѣдуетъ, значитъ, ожидать, что Яга окажется матерью не только мужскаго солнечнаго божества, какъ мы догадывались выше, но и женскаго. Прямыхъ и несомнѣнныхъ подтвержденій этого мы не знаемъ, ко-

---

261 Карадж. Рѣчн. Недѣля.

262 Rulikowski. Opis Pow. Wasylk. 167.

263 Карадж. Пѣсме II, 99—100.

264 Houška III, 182.

265 Карадж. Рѣчн. Недѣля.

свенныя (кромѣ неясныхъ указаній сказокъ о золотоволосой дочери Яги,[266] которую, впрочемъ, мы сочли за лице, соотвѣтствующее Персефонѣ, и кромѣ тѣсной связи солнца-дѣвицы и Гольды въ Герм. Миѳологіи) состоятъ въ слѣдующемъ: Солнце дѣйствительно представлялось и женщиною; есть слѣды миѳа о бракѣ Солнца и Мѣсяца; соотвѣтствующій Индійскій миѳъ называетъ отцомъ Солнца-невѣсты Савитара; но, кромѣ божества, соотвѣтствующаго Савитару, развившагося изъ него, мы не находимъ другаго мужа для Яги. Изо всего этого до нѣкоторой степени вѣроятно, что отецъ Солнца и мужъ Яги—одно лицо, и что Яга—мать Солнца. Слѣдуютъ поясненія сказаннаго:

Если существительное средняго рода Слъньце не говоритъ ничего о томъ, какого пола существо представлялось при этомъ словѣ, или если оно свидѣтельствуетъ, что подъ нимъ разумѣлось безжизненное свѣтлое тѣло и не олицетворенное существо, то предполагаемое имъ существительное слънь, солонь (ср. нарѣчіе посолонь, по теченію солнца; сущ. усолонь, усолонье, мѣсто, не освѣщаемое солнцемъ, тѣнь) можетъ быть женскаго рода, какъ и Санскр. Сӯрjâ, Литов. Sáulė, Сканд. Sol, ДВН. Sunnâ; въ Новонѣмецкомъ до позднѣйшаго времени Frau Sonne.

По Сахарову, въ старину, въ Замосковныхъ селеніяхъ возили въ саняхъ коляду-дѣвицу, одѣтую, сверхъ платья, въ бѣлую рубашку. Колядовщики пѣли: «Уродилась коляда наканунѣ Рождества»; или: «Шла коляда изъ Новагорода.»[267] Возможно, что Рождество было временемъ рожденія не только Солнечнаго бога, но и Солнца богини. Сверхъ того, есть повѣрье, что въ то время, когда «солнце поворачиваетъ на лѣто, а зима на морозъ» (около 12 Декабря), «солнце наряжается въ сарафанъ и кокошникъ (слѣдовательно, она женщина) и ѣдетъ въ теплыя страны.»[268]

Насѣкомое coccinella, солнышко, Малоросс. сонечко, Чешск. slunečko, slunečnice, Нѣмец. Sonnenkäfer, Sonnen-

---

[266] Ср. Mannh. Germ. Myth. 375 и слѣд., особенно 392 — 393.

[267] Сказ. Русс. Нар. II, 7, 69.

[268] Grimm, Myth. 658.

kalbel, именемъ указывающее на свое отношеніе къ Солнцу, по Сербски зовется Мара (т. е., Марія), бабе (баба?). Бабе, не смотря на свое окончаніе, — женскаго рода. Названіе Мара, указывающее на то, что солнышко было олицетвореніемъ самого женскаго миѳическаго лица, замѣненнаго Маріею, сравните съ Нѣмецкими именами того же насѣкомаго: Marienkäfer, Marienvöglein, Marienkälblein, Franakücli, Frauenhenne, въ коихъ, по мнѣнію Гримма,[269] Марія замѣнила Сканд. Фрею, Нѣм. Фроуву, сестру солнечнаго Бога, Фрейра-Фро. Изъ Германскихъ извѣстій объ этомъ насѣкомомъ видно, что богиня, которой посвящено оно, даетъ солнечный свѣтъ, урожай, жизнь, покровительствуетъ браку.[270] Изъ Славянскихъ знаемъ слѣдующія: Въ Малороссіи, дѣти, взявши солнышко на руку, спрашиваютъ: «Сонечко, сонечко, по якôмъ боцѣ Татари?»[271] Мысль здѣсь, можетъ быть та, что солнце все видитъ. Такъ и въ одной Веснянкѣ дѣвица спрашиваетъ у Солнца: «Чи бачило, колесо, куды милый поѣхавъ? «У Словаковъ спрашиваютъ у солнышка, когда будетъ ясная погода. У Чеховъ найти солнышко считается хорошею примѣтою. Посадивши его на ладонь, или на руку, говорятъ!

»Veverunko, kam poletíš:
Do nebe, neb do pekla?»

—

«Verunko, verunko,
Let' do nebičky,
A dones mi zlatou korunku! или:
«Ukaž mi zlaté slunečko!»

Дѣвицы спрашиваютъ у него о своемъ замужствѣ:

«Rej, sluníčko, rej,
Hory, doly krej!
Rej, sluníčko, na tu stranu,
Tam kam já se ti dostanu,
Tam, kde je můj milej!» Или:

---

269 Grimm, Myth. 658.

270 Grimm, Myth. 658; Wolf, Beitr. II, 4, 449; Mannh. Germ. Myth. 243 и слѣд.

271 Срезнев. Объ обож. солнца 39. Относительно Татаръ сравни совѣтъ, предлагаемый муравьямъ, чтобъ произвести между ними тревогу: «Комашки, комашки, ховайте подушки (т. е., яички): собаки брешутъ, Татары ѣдуть!»

«Bedruňko, bedruňko, litni na tu stranu, kam já se dostanu!» Или: «Má verunko branko, kam ty mé peřinky povezeš?» Припѣвъ повторяютъ до 3 разъ. Куда полетитъ солнышко, туда выйдетъ замужъ дѣвица. Если оно не полетитъ и за третьимъ разомъ, то дѣвица не выйдетъ замужъ и на третій годъ.[272] Въ Сербіи спрашиваютъ: «Кажи, Маро, откуда те сватови доти», а въ Дубровникѣ: «Вѣри ме, бабе!» Выдай меня замужъ!»[273]

Милосердіе, покровительство сиротъ, приписываемыя Солнцу у Славянъ и Литовцевъ, гораздо болѣе согласны съ характеромъ прекрасной и, какъ увидимъ, не совсѣмъ счастливой въ замужествѣ богини, чѣмъ съ воинственными наклонностями бога: въ Краледв. ркп. «Ai ty slunce, ai slunečko, ty li si žalostivo»; въ пословицѣ: O měj zalost, slunce!» «Да не би сиротине, не би ни сунце гріяло». Въ Хорутанской пѣснѣ кто-то проситъ восходящее солнце остановиться и выслушать просьбу. Солнце отвѣчаетъ:

Jas pa ne man čakati,
Man v'liko obsjevati [274]
Vse dolince in chriberce,
Tudi vse moje s'rotice.

Подобный мотивъ въ Литовской пѣснѣ: «Милое солнышко, божья дочка, гдѣ ты такъ долго была, гдѣ такъ долго жила вдали отъ насъ?»—«За морями, за горами берегла (kavoti, chować, ховать, воспитывать, охранять) сиротокъ, согрѣвала пастушковъ» По Малороссійской пословицѣ: «Въ зимѣ сонце якъ мачуха: свѣтить, а не грѣе»; но лѣтомъ оно—родная мать.

Очень важно то, что въ пѣсняхъ Солнце есть символъ не только дѣвицы невѣсты,[275] но и жены, хозяйки, а Мѣсяцъ—мужа:

Ой на рѣцѣ, на госоцѣ,
Тамъ плаваетъ кленовъ листокъ,

---

[272] Sumlork I, 536 — 538.

[273] Рѣчн. Бабе.

[274] Обсѣвать, освѣщать.

[275] Карадж. Срб. пѣсм. I, 35, 36.

На тôмъ листку написано
Три письмечка:
Перве письмо—ясенъ мѣсяць,
Друге письмо—ясне сонце,
Третє письмо—ясни зори.
Ясный мѣсяць—самъ господарь,
Ясне солнце—ёго жёнка,
Ясни зôрки—ёго дѣтки.
Добрывечѐръ!

Ой на горѣ на каменьнôй,
Тамъ Волохи церкву ставлять,
Церкву ставлять, вôкна будують:
Одно вôконце—ясне сонце,
Друге вôконце — ясенъ мѣсяць,
Третє вôконце—ясни зôрки.
Ясне сонце—то господиня,
Ясенъ мѣсяць—то господарь,
Ясни зôрки—то ёго дѣтки.
Добрывечѐръ! [276]

—

Виноградье красно! По чему спознать,
Что Устиновъ дворъ Малафеевича?
Что у его двора все шелкова трава,
Что у его двора все серебряный тынъ,
Ворота у него досчатыя,
Подворотички рыбья зубья.
На дворѣ у него да три терема:
Во первомъ терему да свѣтелъ мѣсяцъ,
Во второмъ терему красно солнышко,
Во третьемъ терему часты звѣзды.
Что свѣтелъ мѣсяцъ—то Устиновъ домъ (кажется слѣдуетъ: то Устинъ-отъ самъ)
Что красно солнце—то Улита его,
Что часты звѣзды—малы дѣтушки.[277]

Въ Малороссійской пѣснѣ Козакъ, воротившись съ похода, по наговорамъ злой матери, убиваетъ свою жену, потомъ убѣждается въ ея невинности и говоритъ матери:

---

[276] Метлин. 240—241.

[277] Снегиревъ, II, 65, 112, 68, 105; но тамъ же 67 солнце—хозяинъ, мѣсяцъ—хозяйка.

«Ты жъ не мати,—чорна гадина.
Зъѣла сонце, зъѣжъ и мѣсяця,
Зъѣжъ и зо́рочки—дро́бнй дѣточки. [278]

Въ Щедровкахъ и Колядкахъ хозяинъ и хозяйка величаются мѣсяцемъ и солнцемъ, по тому что мѣсяцъ и солнце—мужъ и жена. О бракѣ ихъ разсказываетъ Литовская пѣсня: «Мѣсяцъ взялъ (за себя) солнышко въ первую весну (въ началѣ весны). Солнышко рано встало, мѣсяцъ удалился (т. е., солнце вставши, увидѣло, что мѣсяцъ уже его оставилъ). Мѣсяцъ блуждалъ одинъ, полюбилъ (утреннюю) зорю. Перкунъ (Перунъ), сильно разгнѣвавшись (за такое нарушеніе супружеской вѣрности), раздвоилъ его мечемъ: «Зачѣмъ оставилъ солнышко, полюбилъ зорю, одинъ блуждалъ ночью?» Сердце полно печали.»[279] Кому принадлежатъ послѣднія слова, изъ пѣсни не видно. Въ другой пѣснѣ мѣсяцъ самъ говоритъ о себѣ: «Я раздѣленъ (разрубленъ) мечемъ, печально мое лицо.» [280] По свидѣтельству Сахарова, такое же повѣрье есть и въ Великороссіи. «Въ Тульской Губерніи есть старинная примѣта, что 8 Апрѣля солнце встрѣчается съ мѣсяцемъ. Этѣ встрѣчи бываютъ добрыя и худыя. Добрая встрѣча означается яснымъ солнцемъ и хорошимъ днемъ. Изъ этого выводятъ предположенія о хорошемъ лѣтѣ. Худая встрѣча обозначается туманнымъ и пасмурнымъ днемъ, и остается худымъ предзнаменованіемъ на все лѣто. По разсказамъ поселянъ, солнце и мѣсяцъ съ перваго мороза расходятся въ дальнія страны, одинъ на востокъ, другой на западъ, и съ той поры не встрѣчаются другъ съ другомъ до самой весны. Солнце не знаетъ—не вѣдаетъ, гдѣ живетъ мѣсяцъ, а мѣсяцъ не болѣе того знаетъ о солнцѣ. Когда же они весною повстрѣчаются, то долго разсказываютъ о своемъ житьѣ—бытьѣ, гдѣ были, что видѣли, что подѣлывали. Часто случается, что мѣсяцъ съ солнцемъ при этой встрѣчѣ доходятъ до ссоры, а это всегда оканчивается землетрясеніемъ. Наши поселяне въ этой ссорѣ обвиняютъ болѣе всего мѣсяцъ, называя его сварливымъ и

---

[278] Максимовичъ.

[279] Schleicher, Handbuch der Litauisch. Spr. II, 3.

[280] Schleicher, ib. 4.

задорнымъ.»[281] Было бы лучше, если бъ, въ доказательство того, что Литовское повѣрье о бракѣ мѣсяца и солнца есть вмѣстѣ и Славянское, можно было привести не это, а болѣе точно переданное извѣстіе; но если бъ этого извѣстія и вовсе не было, то все же наше предположеніе было бы вѣроятно: а) И въ пѣсняхъ и въ языкѣ мѣсяцъ представляется только[282] мужчиною. При Славянскомъ мужескомъ существѣ мѣсяцъ, Санср. чандра (собств. свѣтящійся), мâс, чандрамас (именит. ед. ч. — мас), мѣсяцъ-свѣтило и мѣсяцъ-время, Литов. mėnů (род. mėnesio), Сканд. Mâni: всѣ мужескаго рода. Въ Среднемъ и Новомъ Нѣм. какъ Sonn есть Frau Sonne, такъ мѣсяцъ есть Hêr Mân, Her Mon, holder Herr. Польск. назв. мѣсяца хіężyc, т. е., княжичь, соотвѣтственно коему мѣсяцъ называется Володимеромъ («Ой мѣсяцю Володимере»! Максим. Дни и мѣсяцы), княземъ по преимуществу, и просто княземъ. Дѣвица говоритъ:

Ой мѣсяцю, мѣсяченьку,
Ой мѣсяцю князю!
Скажи менѣ щиру правду,
Изъ кимъ я ся звяжу?» (Вѣнокъ 242)

могло имѣть смыслъ и князя и жениха. Быть можетъ, и въ Санскр. чандрамâс, мѣсяцъ, есть раджâ, князь (основа раджан), не только въ своемъ отождествленіи съ Сомою (Сôма, добываемый изъ нѣкоторыхъ растеній священный напитокъ, потомъ напитокъ боговъ, амврозія, наконецъ олицетвореніе того же напитка, какъ основной стихіи вселенной), но и просто, какъ свѣтило.[283]

б) О грозномъ вмѣшательствѣ Перуна въ семейныя дѣла мѣсяца знаемъ только изъ Литовской пѣсни. Замѣчательно, впрочемъ, что и у насъ мѣсяцъ—перекрой. Сравненіе, въ которомъ встрѣтили мы это названіе, очевидно, позднее, безъ соблюденія значенія грамматическаго рода:

---

[281] Сах. Ск. Р. Н. II, 7, 21, 22.

[282] Исключенія незначительны.

[283] Weber, Indische Studien, V, 179.

«Ой мѣсяцю—перекрою, свѣти надо мною,
Молодая дѣвчинонько, говори зо мною!»—
«Тодѝ буду я свѣтити, якъ буду сповнятися,
Тодѝ буду говорити, якъ буду вѣнчатися.

Сравните также выраженіе: «мѣсяць якъ скибочка» и, связанную съ нимъ загадку: «Постелю рогожку, посыплю горошку, положу окрайчикъ хлѣба» (небо, мѣсяцъ и звѣзды).

в) Зоря можетъ быть любовницею мѣсяца, по тому что она есть символъ любовницы или невѣсты:

Не подоба зо́рцѣ безъ мѣсяця та зо́ходити,
Не подоба дѣвцѣ до Козака та выходити. (Метл. 81)

Свиданіе зори съ мѣсяцемъ—образъ свиданія дѣвки съ Козакомъ:

Зо́йшла зо́рка, зо́йшла зо́рка, мѣсяць опо́знився:
Вышла дѣвка на улицю, Козакъ опо́знився. (Тамъ же 118)

Удаленіе мѣсяца отъ солнца могло представляться размолкою, по тому что такъ представляется удаленіе зори отъ мѣсяца:

«Разо́йдемось, серце, съ тобою,
Якъ на небѣ мѣсяць зъ зорою. (Тамъ же 55)

Сербская пѣсня говоритъ о ссорѣ (неизвѣстно, любовной ли) мѣсяца и зори:

Мѣсецъ кара звіезду даницу:
«Дѣ си била, звіездо данице,
«Дѣ си била, дѣ си дангубила,
«Дангубила три біела дана?».
Даница се нему одговара, и пр.[283]

г) Подтверждаетъ существованіе у Славянъ миѳа о бракѣ мѣсяца и солнца и слѣд. Сербская пѣсня, въ которой не земной бракъ

---

[283] Въ слѣдующихъ мѣстахъ другія отношенія свѣтилъ: мѣсяцъ и утренняя зоря—братъ и сестра. Карадж. Пѣсм. I, 155—156; Метл. 183 — 184; въ этой послѣдней пѣснѣ они хотя братъ и сестра, но символы жениха и невѣсты. Мѣсяцъ, солнце и зоря—братъ и сестры. Карадж. Пѣсм. I, 305; ср. I, 155. Денница—посестрима солнцевой сестры, племянницы мѣсяца. Тамъ же 157-159; зоря—дочь мѣсяца. Метл. 218.

представляется подобіемъ небеснаго, какъ въ колядкахъ, а прямо солнце и мѣсяцъ—хозяйка и хозяинъ, у которыхъ служитъ дѣвица:

Ай дѣвойко, душо моя!
Што си тако єднолика
И у пасу танковита,
Канъ да с' сунцу косе плела,
А мѣсецу дворе мела? (Карадж. Пѣсм. I, 161).

Служеніе богамъ, понимаемое въ собственномъ смыслѣ, не есть что либо необыкновенное. Сербская пѣсня говоритъ о службѣ у Божьей Матери:

Ой орачу, младъ орачу!
Ко ти даде младе воке?—
«Служіо самъ Божю Майку,
Те ми дала младе воке,
Младе воке витороге,
И ярмове яворове
И палице[284] шимширове
И заворне[285] босилькове,
И бич-косу девоячку,
Люту гую ручконошу.[286]

Тору служатъ Tiâlfi и Röskva, братъ и сестра, взятые имъ изъ крестьянскаго семейства. Mâni (мѣсяцъ) взялъ съ земли двое дѣтей, дѣвочку Bil и мальчика Hjuki, въ то время, когда они несли на палкѣ ушатъ водъ. Съ тѣхъ поръ они ходятъ за мѣсяцемъ; пятна на мѣсяцѣ — это они.[287]

д) Въ пѣсняхъ Ригъ-Веды и Atharva-Веды Савитари (свѣтлое божество, которому соотвѣтствуетъ не только Зевсъ и Посейдонъ, но и Перкунъ — Перунъ) даетъ свою дочь, солнце (Сӯрjâ), въ замужество Cômѣ — мѣсяцу. Полнымъ объясненіемъ того, по чему въ нашихъ колядкахъ мужъ и жена величаются мѣсяцемъ и солнцемъ, служитъ то обстоятельство, что бракъ Côмы и Сӯрьи есть первообразъ земнаго брака, по чему и упоминается въ сва-

---

[284] Палица, baculus jugi.

[285] Заворань, repagulum aratri.

[286] Ручконоша, кая cibum adfert. Карадж. Пѣсм. I, 161—162.

[287] Grimm, Myth. 679—680.

дебныхъ пѣсняхъ и приговорахъ Ведъ. Славянскіе источники не ведутъ насъ далѣе сравненія мѣсяца и мужа, солнца и жены; но сравненіе есть первоначально полное, такъ сказать, научное объясненіе явленія. Сӯрjâ не есть только символъ невѣсты; невѣста есть воплощеніе Сӯрји; къ ней обращаются въ свадебныхъ приговорахъ, прямо называя ее солнцемъ.

Въ Славянской и Индійской Миѳологіи бракъ мѣсяца и солнца вовсе не единственный небесный образъ земнаго брака. Въ свадебныхъ пѣсняхъ Ведъ невѣста сравнивается и съ широкою землею, принимающею въ себя зародышъ вещей,[288] и съ пахатнымъ полемъ, принимающимъ сѣмена;[289] отношенія жениха и невѣсты сравниваются съ отношеніями Агни (огня) и Бhуми (земли),[290] Индры и Индрâнӣ[291] и др. Мы видѣли выше, что туча есть богиня, покрывающая невѣсту; но она есть вмѣстѣ и невѣста, стало быть, покрытая, Греч. νύμφη, соотвѣтствующее, по формѣ и по основному значенію, Латинскому пирta,[292] покрытая, значитъ невѣста и нимфа, водяная, т. е., облачная богиня. Нимфы – дочери Зевса (Савитаръ, Швашtаръ) и, вѣроятно, вмѣстѣ съ тѣмъ его жены, подобно тому, какъ Саранjӯ есть дочь и жена Швашtары-Савитара. Такимъ образомъ въ словѣ νύμφη и въ его связи съ νέφος, набhас, небо (собственно покрывающее), есть свидѣтельство о томъ, что и бракъ Савитара и тучи есть первообразъ людскаго. Въ слѣдующихъ стихахъ свадебнаго гимна Ригведы невѣста достается человѣку уже изъ третьихъ рукъ; прежде она была супругою трехъ боговъ: «Первый получилъ тебя Сôма (мѣсяцъ), второй получилъ Гандhарва, третій мужъ у тебя Агни, четвертый рожденный отъ человѣка (т. е., человѣкъ). Сôма далъ Гандhарвѣ, Гандhарва далъ Агни, богатство и сыновъ далъ Агни мнѣ

---

288 Indische Stud. V. Haas, Die Heirathsgebräuche der alten Inder 273; Weber, Vedische Hochzeitsprüche 184—185.

289 Weber ib. 227.

290 Ib. 205.

291 Ib. 201.

292 Ib. 194.

(жениху), и къ тому эту (т. е., невѣсту).[293] Какъ жена Сôмы невѣста была сначала Сӯрjâ, какъ жена Гандһарвы. (Кентавра, коня, по Куну—Савитара) она была Саранjу, туча; женою Агни называетъ Атһарвъ-Веда Бһуми, землю. Такъ какъ первый человѣкъ, Ману, родоначальникъ людей, есть воплощеніе Агни, а Агни (Јама) сынъ, воплощеніе Гандһарвы-Савитара, то слѣдуетъ принять здѣсь миѳическое тождество Гандһарвы, Агни и человѣка,[294] тучи, земли и жены. Кунъ полагаетъ, что Сôма прибавленъ послѣ; но если сочетаніе двухъ сравненій и совершилось относительно поздно, то самыя сравненія древни.

А. Потебня.

---

[293] 191—192.

[294] Zeitschr. für vergl. Sprachf. I, 458 — 459, статья Куна.